

Елена Грачева, Алексей Востриков

ЭКСКУРСИЯ И. М. ГРЕВСА ПО ВАСИЛЬЕВСКОМУ ОСТРОВУ В КОНТЕКСТЕ «ГУМАНИТАРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ»

Грачева Елена Николаевна, старший преподаватель Европейского университета в Санкт-Петербурге, преподаватель Санкт-Петербургской классической гимназии; elena.advita@gmail.com

Востриков Алексей Викторович, заведующий сектором «Библиотека Бестужевских курсов» Научной библиотеки им. М. Горького, СПбГУ; bestuzhevka@gmail.com

Gracheva Elena Nikolaevna, Senior Lecturer of European University at St. Petersburg, Teacher of St. Petersburg Classical Gymnasium; elena.advita@gmail.com

Vostrikov Alexey Viktorovich, Senior Curator of Bestuzhev Courses Library of the M. Gorky Research Library, St. Petersburg State University; bestuzhevka@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается концепция «гуманитарного краеведения» И. М. Гревса, которая легла в основу петербургской школы «гуманитарного краеведения» 1900–1930-х гг., и публикуется текст экскурсии Гревса по Васильевскому острову, иллюстрирующий основные положения предложенной им методологии исследования отдельного локуса городского поселения. Основные принципы «научных прогулок», («монументальных прогулок», «общеобразовательных путешествий», «идейных путешествий») были разработаны Гревсом как обязательная часть обучения ученых-медиевистов в начале XX в. в рамках изучения великой коммунальной революции Средневековья. В 1920-х гг., вынужденно оставив университет, Гревс использовал эти экскурсионные практики как основу для создания методологической школы экскурсионного исследования города. В 1920-х гг. краеведческое движение переживало пик своего развития. И Гревс и его ученики по университету, прежде всего Н. П. Анциферов, в Петроградском экскурсионном институте, обществе «Старый Петербург — Новый Ленинград» и Центральном бюро краеведения разрабатывают методологию целостного («целокупного») исследования городского поселения для краеведов и учителей, вовлеченных в изучение родного края. Гревс называет свою школу «гуманитарным краеведением».

Abstract: This article examines the concept of "human-centered local history" ("gumaniarnoe kraevedenie"), which formed the basis for the St. Petersburg school of that name from 1900 to the 1930s; the article also includes Grevs's manuscript for a walking tour of Vasily's Island that illustrates the main points in his methodology for studying specific sites within an urban population. Grevs developed the basic principles of "educational tours" ("nauchnye progulki") ("monumental tours", "general education trips", "ideological trips") as a mandatory part of instruction for medievalists in the early twentieth century while they studied the great commune movement of the Middle Ages. When forced to leave the university in the 1920s, Grevs used his tour practices as the basis for creating a school of methodology for exploring a city through excursions. The local history movement reached its peaked in the 1920s. At the Petrograd Excursion Institute, the Old Leningrad — New Petersburg society, and the Central Bureau of Local History, Grevs and his protégés from the university, Nikolay Antsiferov above all, developed a methodology for the comprehensive ("holistic") study of an urban population for teachers and local historians engaged in exploring their native land. Grevs called his school "human-centered local history". This article discusses the presumed sources of Grevs's methodology and the terms he used to construct it (the concept of the

В статье комментируются предполагаемые источники методологии Гревса и термины, которые он использует для ее построения (концепция города у Н. Д. Фюстеля де Куланжа, М. Вебера, О. Шпенглера; школа *géographie humaine*; социологические исследования от Г. Спенсера до П. Сорокина; «генетический метод», «всемирно-историческая точка зрения», «социальный организм», «душа города» и др.). Публикация рукописи сопровождается комментариями и преамбулой, в которой текст сопоставляется с его вариантом, опубликованным в 1931 г. без подписи автора и со значительными искажениями.

Ключевые слова: И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, «гуманитарное краеведение», Васильевский остров, методология экскурсий.

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.36.56.001

city according to Numa Denis Fustel de Coulanges, Max Weber, and Oswald Spengler; the school of human geography; sociological research from Herbert Spencer to Pitirim Sorokin; "the genetic method"; "history from a global perspective"; "the social organism"; "the soul of the city", etc.). Grevs's manuscript is accompanied by commentary and a preamble in which the text is compared with a version that appeared in print in 1931 as part of an unsigned collective work and that contained significant misrepresentations.

Keywords: Ivan Grevs, Nikolay Antsiferov, human-centered local history, *gumanitarnoe kraevedenie*, Vasily's Island, Vasilievsky Island, the excursion method.

Elena Gracheva, Alexey Vostrikov

Ivan Grevs's Walking Tour of Vasily's Island in the Context of "Human-Centered Local History"

Иван Михайлович Гревс (1860–1941), профессор Петербургского (затем Ленинградского) университета и Высших женских (Бестужевских) курсов, известен прежде всего как один из крупнейших российских медиевистов конца XIX — начала XX вв., выучивший несколько поколений ученых¹. Его исследовательский интерес к краеведению и методологии экскурсий, как правило, воспринимается скорее как вынужденный, связанный с изгнанием Гревса (как и многих других профессоров) из университета в 1923 г. и его работой в Петроградском экскурсионном институте и Центральном бюро краеведения². Но медиевистика второй половины XIX в. и есть прежде всего наука о городах, и «научные прогулки» («монументальные прогулки», «общеобразовательные путешествия», «идейные путешествия») по европейским городам Гревс считал обязательной

- 1 О Гревсе-медиевисте см.: *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 11–84; *Свешников А. В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в.: судьба научного сообщества. М.; СПб., 2020; *Бамбизова К. В.* Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса — основоположника петербургской школы медиевистики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008; см. также: *Старостин Д. Н., Кулешова Е. В.* Архивные рукописные материалы И. М. Гревса: к вопросу о научном наследии ученого // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени*. 2023. Вып. 7 (1). С. 101–106, 116–121.
- 2 О деятельности Гревса в качестве руководителя Гуманитарного отдела Петроградского экскурсионного института и работе в Центральном бюро краеведения см.: *Враская О. Б.* Архивные материалы И. М. Гревса и Н. П. Анциферова по изучению города // *Археографический ежегодник за 1981 год*. М., 1982. С. 303–315; *Конечный А. М.* К истории Гуманитарного отдела Петроградского экскурсионного института (1921–1924) // *Конечный А. М.* Былой Петербург: проза будней и поэзия праздника. М.: 2021. С. 495–520; *Сизинцева Л. И.* Краеведение и экскурсионное дело в Петроградском экскурсионном институте (1920-е гг.) // *Пятые всероссийские краеведческие чтения* (Москва — Владимир, 27–28 мая 2011). М., 2012. С. 78–82; *Смирнова А. Г.* Из истории отечественной экскурсионной школы: Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921–1924 гг.) // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2012. № 6 (86). С. 58–77; *Смирнова А. Г.* «Опыты построения п/отдела города» (из документального наследия И. М. Гревса) // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2014. № 17 (139). С. 225–240.

частью профессионального образования историка. В огромном наследии Гревса отчетливо видны две волны интереса к феномену экскурсии и «экскурсионности»³. Первая — статьи, связанные с личными поездками за границу в научные командировки (1889–1891 гг.) и «монументальными прогулками» со студентами Петербургского университета и слушательницами Бестужевских курсов и курсов Н. П. Раева по городам Италии в 1907 и 1912 гг. Вторая — доклады и статьи, написанные в 1920-х гг. и обычно рассматриваемые в контексте истории советского краеведения. Тексты 1900-х и 1920-х очевидно связаны преемственностью и демонстрируют непрерывность размышлений Гревса о таком способе изучения цивилизации, для которого в центре внимания человек и то, как он обустроивает свою жизнь в определенной точке времени и пространства — пишет ли Гревс о поместье Горация, великой средневековой коммунальной революции или Вологодском кремле. Экскурсионное, «путешественное» исследование человеческого поселения в исторических штудиях Гревса не вспомогательный, но один из ключевых методов исторического познания, по сути дела, гуманитарный аналог метода включенного наблюдения в полевом исследовании естественных наук.

В статьях двадцатых годов Гревс в конце концов находит название для своего подхода — *гуманитарное краеведение*. И выбор слов, и их сочетание не нейтральны. «Краеведение» — один из вариантов перевода немецкого *Heimatkunde*, ключевого понятия для направления в швейцарской и немецкой педагогике, последователи которого полагали необходимым строить народное образование на изучении родного края. Сторонники этой идеи в России с 1860-х гг. пользовались терминами *отчизноведение*⁴, *отечествоведение*⁵ и *родиноведение*, и некоторое время эти наименования сосуществовали на равных правах как

3 О термине «экскурсионность» («путешественность») см. прежде всего: Гревс И. М. Природа «экскурсионности» // Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение: сборник к 150-летию со дня рождения / [сост. Б. С. Каганович, А. В. Кобак]. СПб., 2010. С. 45–56, 85–96.

4 См., например: Вессель Н. Х. Местный элемент в обучении // Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех желающих заниматься воспитанием в обучении детей, издаваемый И. Паульсоном и Н. Весселем. 1862. Т. 2. № 18. С. 953.

5 См., например: Ушинский К. Д. Педагогическая поездка по Швейцарии // Ушинский К. Д. Собрание сочинений. Т. 3. М.; Л., 1948. С. 164.

название пропедевтического курса географии, включавшего в том числе школьные экскурсионные и экспедиционные практики. С середины 1870-х гг. в названиях учебников закрепляется термин «родиноведение» (реже — «отчизноведение»), и примерно в это же время появляется тенденция относить его к изучению местности, где учащийся родился и где находится его школа, а «отечествоведение» — к изучению Российской империи⁶. Термин «краеведение» входит в употребление значительно позже, с начала XX в., какое-то время обозначает и школьный курс географии родного края, и постепенно развивающееся массовое движение энтузиастов-исследователей, с начала 1920-х гг. практически вытесняет прочие варианты и одновременно исчезает из названий учебников. Сохранив связь со «школьным» *Heimatkunde*⁷, он позволяет краеведческому движению отделиться не только от школьных практик, но и, возможно, от невольных ассоциаций с официальным патриотизмом Российской империи, которые до сталинской патриотической перезагрузки возникают со словами «родина», «отечество» и «отчизна». По мнению Э. Джонсон, знаковыми для экспансии термина «краеведение» стали решения Первой всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в 1921 г.: «Выбрав относительно малоизвестный термин “краеведение” вместо его более знакомого синонима “родиноведение”, делегаты ... одновременно отдавали дань уважения этому дореволюционному наследию и дистанцировались от него. ... Этот термин связал воедино организации и отдельных лиц, которые никогда прежде не воспринимали себя как сообщество. К концу конференции делегаты начали видеть себя не только этнографами-дилетантами, историками,

6 Впрочем, разграничение носит произвольный механический характер и время от времени становится предметом дискуссий. См.: Весин Л. П. Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времени Петра Великого по 1876 год (1710–1876 г.). СПб., 1876. С. 406–407. См. также: Пирожков Г. П. Отечество (родино-, отчизно-, крае-) ведение в образовании российской империи // Берег. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика: научный журнал. [Воронеж], 2013. № 4 (19). С. 204–214; Голов А. Г. Понятие «краеведение» в научной литературе пред- и послереволюционной России: отечественное краеведение 1920–1930-х гг. как объект исследования // Вестник ТГУ. 2008. № 12. С. 307–310.

7 См.: Гревс И. М. Краеведение в современной германской школе. Материалы для реформы учения. Л., 1926.

защитниками культурных ценностей и любителями природы, но и краеведами»⁸.

Для Гревса краеведение не просто больше школьного предмета или массового движения любителей родного края⁹, это явление принципиально иного качества и масштаба. Значение и объем термина в его статьях значимо отличается от словоупотребления коллег. Краеведение для Гревса — это академическая наука, по сути дела, метанаука, объединяющая инструментарий всех дисциплин, так или иначе исследующих органичное существование земли и человека, который на ней живет. При этом важнейшей составляющей является личность самого исследователя, его точка зрения, его личный опыт, его личное чувство причастности к тому краю, который он исследует. Само слово «край» для Гревса нагружено и семантически, и терминологически, и эмоционально: «Край, свой край, малая родина, нас породившая и питающая, постоянно нас окружающая, — это живое единство, полное своеобразия; это и особый мирок (“микроскос”), в котором многообразно отражается великий мир (“макроскос”). ... Край сам есть живой комплекс, при том нас в себя включающий, который убедительно учит нас, в какие реальные синтезы мы должны облекать материал, доставляемый его изучением, чтобы получить цельную картину окружающего для его сознательного понимания и для нужного и доброго действия в нем. Остается только избегать опасности замкнуть глаз в пределах края, чтобы образ его “малого мира” не стал завесою, скрывающей от нас “мир большой”»¹⁰.

Вслед за Э. Шпрангером и другими представителями немецкой философии *Heimatkunde* Гревс считает, что *родной край* как предмет изучения не может быть определен количеством квадратных километров или другими формальными принципами. «Родной край», локус, подлежащий исследованию и рефлексии ученого-краеведа, — это тот участок земли, который человек

8 Джонсон Э. Д. Как Санкт-Петербург научился себя изучать: российская идея краеведения / пер. с англ. И. Захаряевой. СПб.; Бостон, 2023. С. 245.

9 В отличие, например, от одного из главных методологов советского краеведения Б. Н. Вишневого, который прямо называет краеведов «вдумчивыми любителями, знатоками своего края» (Вишневский Б. Н. К изучению населения России // Краеведение. 1923. № 1. С. 19).

10 Гревс И. М. Краеведение в современной германской школе. С. 9–11.

чувствует целостным, единым и своим: «...родину (родной край) создает пережитая и переживаемая полная (“всецелая”) связь (Totalverbundenheit) человека и группы людей с данною почвою, уголком, клочком земли (Fleck Erde). Чувство родины есть духовное ощущение корней (“geistiges Wurzelgefühl”). Поэтому родина не просто природа или вообще место (locus); это многими переживаниями присвоенная нами и потому многообразно одухотворенная и также многоцветно окрашенная человеком (или для человека) природа или местность: тут в ней как бы родился особый “дух” ее (genius loci): человек вложил в нее себя и обратно от нее в себя много принял». И далее: «Краеведение, или родинovedение (Heimatkunde), есть организованное знание природы и культуры клочка земли, с которым тесно связаны изучающие в материальных и духовных интересах своей жизни по рождению или по долговому местожительству. ... Краеведение есть часть землеведения и человековедения в прошлом и современности. Оно приводит к начертанию портрета и биографии местности. ... Для этой цели должны соединяться усилия многих наук», — и далее Гревс перечисляет: геология, минералогия, почвоведение, гидрография, метеорология, климатология, биология во всех ее разделах, антропология, этнография, история культуры, экономика, статистика, учение об обществе и государстве, теория и история искусства, просвещения и религии. «Краеведение должно быть всеведением, т. е. всесторонним изучением места»¹¹.

В словосочетании «гуманитарное краеведение» Гревсу важно зафиксировать всю многообразную деятельность человека на земле как единый предмет исследования: «“Гуманитарное краеведение” есть изучение истории культуры и ее современности, преемственно связанных между собою. ... Самая же культура — это историческое человечество, каким в настоящем его создало прошлое, в его развивающейся природе и растущем, в труде созидаемом, окружении»¹². Поэтому Гревс особо оговаривает, что

11 Там же. С. 36–39; в данном случае Гревс невероятно сочувственно пересказывает речь Э. Шпрангера, особо оговорив, что дополняет его слова «своими соображениями, важными в настоящей связи».

12 Гревс И. М. Развитие культуры в краеведческом исследовании (Глава из неопубликованной книги) // Анциферовские чтения: Материалы и тез. конф. (20–22 дек. 1989 г.) / [сост. А. И. Добкин, А. В. Кобак]. Л., 1989. С. 29.

использует слово «гуманитарное» вне философского узуса: «Термин “гуманитарный” теперь часто заподозривается в “метафизичности”, с ним соединяют непременно “идеалистическое” понимание. Но это неосновательно: “гуманитарный” — значит просто — относящийся к человеку. А ведь человек и человечество — это же несомненные реальности, и термин, их обозначающий, вполне объективен — “гуманитарное знание” есть знание о человеке и о его деятельности, то есть знание о культуре во всех ее проявлениях, в материальной и неразделенной с нею духовной областях»¹³. При этом гуманитарное краеведение не должно забывать о том, что оно часть исследования «биографии местности», и, по мысли Гревса, должно строиться по аналогии с позитивистскими естественнонаучными практиками. Исследовательские «экскурсии в культуру» соответствуют естественнонаучным экспедициям. Точно так же, как географы и геологи в своих экспедициях исследуют геологические пласты и другие особенности местности, чтобы реконструировать этапы естественной истории, историки в «научных прогулках» исследуют культурные слои, которые оставляет каждый этап цивилизации (в том числе зафиксированные в городской застройке). Эта осознанная аналогия объясняет, в числе прочего, и терминологию краеведческих статей Гревса, отличающуюся от терминологии массового краеведения. Определяя предмет исследования «гуманитарного краеведения», он пользуется термином «целокупная культура» — по аналогии с «целокупной природой», понятием, введенным главным российским методологом естественнонаучных экскурсий Д. Н. Кайгородовым¹⁴, а руководителей и участников учебной гуманитарной городской экскурсии называет «исследователями в поле»¹⁵.

Возможно, важную роль в создании термина (и подхода) сыграло увлечение Гревса идеями французской школы *géographie*

13 Гревс И. М. Развитие культуры в краеведческом исследовании. С. 28–29.

14 Там же. С. 29; Сизинцева Л. И. У истоков экскурсионного изучения города (Из практики И. М. Гревса) // Анциферовские чтения. Л., 1989. С. 38.

15 Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах (Поездка в Италию со студентами в 1907 г.) // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. 28. Июль–август. С. 34, 48 4-й паг.

*humaine*¹⁶. В одной из его ключевых статей «Город как предмет краеведения» мы видим отражение системы понятий, предложенной основателем школы П. Видалем де ла Блашем, который рассматривает историю человечества как непрерывный процесс создания новых «ядер», «ячеек», (поуаух, cellules) цивилизации, каждая из которых во взаимодействии с природой создает свой особый «образ жизни», «способ жить» (*genre de vie*). Слово «ячейка» появляется в статье Гревса, когда он формулирует одну из важнейших вещей: что же мы исследуем, когда исследуем город? «... Его <город> надо понять как нечто внутренне цельное, как особый “субъект”, собирательную личность, живое существо, в “лицо” которого мы должны взглядеться, понять его “душу”, познать и восстановить “биографию города”. Такое понимание города связывается с идеей “органичности” рода людского, создающей ценности его развития и, стало быть, органичности его частей, наций и образуемых ими общежитий, ячеек, из совокупности которых образуется его целое. Биография сильного города дает превосходно конкретизированный элемент для биографии местности, страны, народа»¹⁷.

Впрочем, поиск того или иного источника профессиональных взглядов и терминологии Гревса требует одной оговорки. Все процитированные объяснения Гревса, чем же он, собственно, занимается, очень выразительно демонстрируют, как он приспосабливает к изучению культуры вообще и города в частности инструментарий и вокабулярий самых разных научных школ и не видит в том противоречия или научного неприличия. Его статьи и доклады пронизаны историческими, географическими, антропологическими, социологическими, культурологическими понятиями, терминами и метафорами, принадлежащими разным авторам и научным направлениям начиная с середины XIX до двадцатых годов XX в. Мы можем читать их так же, как Гревс читает город: снимая понятийные слои один за другим

16 См.: Гревс И. М. Библиографическая справка по экскурсиям в культуру // Экскурсии в культуру. Методический сборник. М., 1925. С. 194; Гревс И. М. Развитие культуры в краеведческом исследовании. С. 36; Гревс И. М. Город как предмет краеведения // Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение. С. 61; см. также: Смирнова А. Г. «Опыты построения п/отдела города». С. 238.

17 Гревс И. М. Город как предмет краеведения. С. 61.

и обращая внимание на их взаимодействие. Это не эклектика — как не является эклектикой городская застройка, сохранившая монументальные памятники разных эпох, но воспринимающаяся как нечто единое. Гревс создает свое «гуманитарное краеведение» в качестве некоего универсального поля познания и деятельности, где есть место и науке, и философии, и энтузиазму, и поэзии, и исследовательской эмпатии (возможно, эмпатия тут главный компонент); которое вбирает его долгую жизнь в исторической науке, сохраняя в использовании любой инструмент, пригодный для работы: антинаучный Шпенглер не отменяет остронаучного Вебера, они оба — архаичных Спенсера и Фюстеля де Куланжа, а Ипполит Тэн цитируется через запятую с Вернон Ли и Владимиром Соловьевым. Просто потому, что город, с точки зрения Гревса, — это эпицентр деятельности человека, воплощение смысла и целеполагания цивилизации: «Что такое город? — Это, прежде всего, образовавшаяся более или менее крупная и скученная оседлость, но такая, которая является центром для области или округа и “притягивает” к себе на малом или большом радиусе жизненные силы извне для удовлетворения нужд своих и чужих, для принятия и для отдачи. В нем совершается особо сильная экономическая деятельность; в нем особое управление для него самого и для примыкающей территории, более или менее обширной; он же, если это столица, есть седалище политической власти; наконец, он — средоточие духовной жизни государства, страны, местности; в нем — органы просвещения: школы, университет, ученые учреждения, библиотеки, театры; в нем — центры культа. ... Еще одно: город — не только носитель центростремительных сил в обществе (тяготение), но и центробежных (лучеиспускание). Так, город — каждый индивидуально и многие группами — представляет для настоящего времени “синтез” в жизни людей и их союзов. Города — это гнезда и приемники, лаборатории и хранители благ и их распространители кругом, вершины достигнутых уровней цивилизованности. В них происходит сгущение культурных процессов и насыщение их плодами. Это — крупнейшая форма сращения в одном конкретном общежитии элементов цивилизации, слияния и взаимодействия ее стихий и течений. Города — выразительнейшие показатели развития культуры и ее

настоящего; изучение их в истории и современности — прекрасный путеводитель при исследовании ее судеб»¹⁸.

Какие терминологические слои мы видим в этом определении-описании?

Что бы Гревс ни писал начиная с 1890-х, для него остаются неизменными «генетический метод» («понимание истории как генезиса, т. е. длинного ряда строго обусловленных перемен, вырастающих в правильный процесс»¹⁹) и так называемая «всемирно-историческая точка зрения» («История понимается как развитие человечества»²⁰). В материалах к семинарию «Освобождение городов в Средние века» (1907–1908) он писал, что история городов, как и любого другого объекта исследования, должна быть рассмотрена в контексте «непрерывной преемственности основных плодов великой (в данном случае античной) культуры, трансформируемой под действием новых факторов обновляющейся жизни»²¹. Задача историка — помещение объекта исследования в «длинный ряд строго обусловленных перемен, вырастающих в правильный процесс»²²; своего рода заполнение пустых клеток в периодической системе исторических элементов.

С этой точки зрения становится понятным, почему Гревс всегда, с первой до последней публикации, предлагал строить экскурсию прежде всего как способ раскрыть и прокомментировать целеполагание людей, когда-то поселившихся в этом месте, и логику развития поселения. Это объясняет ту настойчивость, с которой Гревс требует начинать экскурсию с высокой точки, идеально — с высоты птичьего полета: «Виды “à vol d’oiseau” мало привлекательны в эстетическом отношении, но для изучения топографии города они много дают. Вот почему всегда хорошо

18 Гревс И. М. Город как предмет краеведения. С. 58–59.

19 Гревс И. М. История происхождения, развития и разложения феодализма в Западной Европе: по лекциям проф. И. М. Гревса: 1902–1903 / сост. слушательницей С. Свиридовой. СПб., [1903]. С. 7.

20 Там же. С. 14. Подробнее о методологической основе Гревса см.: Свешников А. В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в.: судьба научного сообщества. М.; СПб., 2020. С. 59–63; см. также: Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. С. 28.

21 Цит. по: Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. С. 38.

22 Гревс И. М. История происхождения, развития и разложения феодализма в Западной Европе. С. 7.

предпринимать по прибытии на новое место в первый же день такое восхождение на какую-нибудь знаменитую колокольню. И здесь план Флоренции развернется с полной наглядностью. Ясно заметны будут по расположению круговых улиц сомкнутые линии трех исторических оград (*cerchi*), которыми определяются последовательные фазы постепенного роста старого города»²³. Когда Гревс после революции начнет создавать экскурсии по русским городам, опыт «научных прогулок» по Европе будет перенесен в точности: колокольни есть везде²⁴. Не вполне понятно, почему в публикуемом ниже тексте Гревс рекомендует начинать экскурсию по Васильевскому острову с общего взгляда из окон Эрмитажа или с Троицкого моста, а не с колоннады Исаакиевского собора (как в более ранней статье «Монументальный город и исторические экскурсии»²⁵) — возможно, ему важен ракурс, в котором в центре окажется именно стрелка Васильевского острова, а на колокольню Петропавловского собора, видимо, еще не пускали. Так или иначе, рассмотренные с высокой точки ландшафт и топография должны пояснить ученому наблюдателю, что именно привлекло сюда первых поселенцев и какова была логика развития города.

Еще один понятийный слой статей Гревса — описание города как единого живого организма, собирательного существа, одушевленного единым «духом» и единым «гением». Отсылка к позитивистской традиции «организмических» (органицистских)

23 Гревс И. М. Научные прогулки по историческим центрам Италии. Ч. I: Очерки флорентийской культуры. М., 1903. С. 23–24. Ср. в очерке «Мое первое путешествие на Запад (лето 1889 г.): «Затем мы взобрались на колокольню башню самой высокой в Дрездене лютеранской церкви, чтобы оттуда посмотреть на город à vol d'oiseau. Это превосходный способ овладения планом изучаемого города и составление себе общего представления о его топографии, рельефе, расположении частей, характере улиц и т. д. Его надо рекомендовать каждому серьезному туристу как первый акт после приезда в важный центр. Я в своих странствиях всегда его принимал и получал очень много» (Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / авт.-сост. О. Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 219). Количество примеров можно умножить.

24 Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело: Научно-педагогический журнал Экскурсионной секции Сектора соц. воспитания Петрогр. отд. нар. образования. Пг., 1921. С. 21–34; Гревс И. М. К живым образам истории и культуры русского севера: (Экскурсия-экспедиция Московского и Петроградского Экскурсионных Институтов летом 1922 г.) // Север: Орган научного северного краеведения. Вологда, 1923. Кн. 1. С. 160.

25 Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии. С. 25.

метафор («социальный организм» и проч.), идущих от отцов-основателей социологии, очевидна. Но, в отличие от Спенсера и Конта, Гревса прежде всего интересуют не параллели между законами, по которым живут сообщества животных и людей (а также между человеческой анатомией и физиологией и общественным устройством)²⁶, но аналогия между сознанием и поведением человека и человеческого сообщества. Что происходит, когда формируется «более или менее крупная и скученная оседлость»? Появляется ли некая коллективная личность, не равная сумме индивидуумов, составляющих этот «социальный организм»?

Вопрос бурно обсуждался в современном Гревсу научном сообществе (по большей части в немецких университетах) с семидесятых годов XIX в. В ключевых работах 1920-х гг. П. А. Сорокин, разбирая аргументы социологических реалистов и социологических номиналистов, хвалит «русскую субъективную школу» (к каковой причисляет Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова и Н. И. Кареева) за то, что она не утверждала ни наличия, ни отсутствия «коллективной личности», полагала, что объединения людей — не механическая их сумма, но и не единое существо, а общий «отпечаток» у людей появляется в результате социальных связей и взаимодействия. Кареев формулирует: с одной стороны, «личность есть единственное реальное существо, с которым имеет дело социология». С другой — странно было бы отрицать существование «собирательных единиц, состоящих из отдельных личностей»²⁷. Для него в 1890-е гг. уже неприемлемы не только органицистские аналогии («сердце», «мозг», «легкие», «чрево», «кровеносные сосуды» «социального организма») — он не пользуется этими словами даже как метафорами. Для Сорокина же в начале 20-х эта терминология архаична и научно несостоятельна по определению²⁸.

26 Как, например, в работах П. Ф. Лилиенфельд-Тоалья; см.: Кузьмина Г. П. П. Ф. Лилиенфельд-Тоаль о тождестве и различии между обществом и организмом // Актуальные проблемы социального познания. М., 1982. С. 76–83.

27 Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 103.

28 Ср.: «...Термины, подобные "социальному сознанию", "душе народа", "национальному духу" и т. д., могут фигурировать только в качестве поэтических образов; взятые же в своем буквальном смысле они не соответствуют действительности» (Сорокин П. А. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 317).

Но параллельно постепенному отмиранию органицистских терминов в истории и социологии конца XIX — начала XX вв. их «физиогномическая» часть («душа», «характер», «физиономия»), напротив, переживает небывалый ренессанс. Начинают биологи и медики — социал-дарвинисты и физические антропологи, не оставляющие попыток установить научным способом корреляцию между антропологическими данными представителей той или иной социальной группы или расы (народа, нации) и их «духа», «души», «характера». Но историки, этнографы, географы, лингвисты, социологи, психологи (не говоря уже о писателях и политиках) вовлекаются мгновенно²⁹. Первая мировая, национальные движения и распад империй доводят масштаб и страстность этих исследований до всеобщего исступления. Большинство ученых согласны с тем, что «душа» народов, рас, социальных групп самого разного типа существует. Спор идет о том, как измерить эту «душу», как ее научно описать и как отделить носителей одной «души» от других.

И с этой точки зрения важно не только то, что Гревс цитирует, но и то, чего он не цитирует.

С одной стороны, он охотно пользуется классической органицистской терминологией, восходящей к Спенсеру и Конту, — в том числе в публикуемой ниже статье, к примеру, называя Биржу «мозгом, связывающим части города в одно хозяйственное целое». С другой — возможно, именно «душа» и «характер» (по отношению к сообществу городских жителей) появляются в его статьях не из трудов отцов-основателей социологии полувековой давности и не из современной ему антропологии или культурологии, а из русской религиозной философии — и задолго до того, как Шпенглер сделал словосочетание «Die Seele der Stadt» популярным. По сути дела, ни до, ни после войны и революции мы не видим в работах Гревса никаких следов актуальных научных споров, раздирающих европейскую науку. Ни модной теории «вырождения», ни кровавой битвы между немецкими и французскими

29 См. описание европейского научного ландшафта с этой точки зрения: *Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки, 1912–1923* / пер. с польского Н. С. Поляковой. СПб., 2021. О ситуации в России см.: *Могильнер М. Б. Homo imperii: история физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.)*. М., 2008.

учеными о различии «культуры» и «цивилизации», ни животрепещущих расового и классового подходов для построения истории человечества. У того же Видаля де ла Блаша Гревса интересует концепция возникновения «ячеек цивилизации», обусловленных теми или иными задачами, которые ландшафт ставит перед поселенцами, но не интересует поиск доказательств того, что Франция по особенностям местной истории, географии и характера поселений имеет больше прав на Эльзас и Лотарингию, чем Германия. Гревс не просто существует за пределами научных страстей. Он последовательно игнорирует несовместимость между собой источников своего исследовательского инструментария. С одной стороны, он рекомендует студентам «Психологию народов» В. Вундта, который считает «метафизическое понятие о душе» «непригодным для эмпирического исследования» (и готов допустить словосочетание «душа народа» исключительно в качестве метафоры, чтобы обозначить «совокупное содержание душевных переживаний» индивидов, составляющих народ)³⁰. А с другой — с упоением читает В. С. Соловьева, для которого «душа народа» вовсе не «метафора для выражения простой суммы отдельных людей»³¹ и который практически в каждой работе пишет о человеческом сообществе как о «великом собирательном существе» и «живом положительном единстве». Гревсу будто бы важнее всего сам факт существования чего-то, превращающего отдельных людей в человеческую общность, в чем бы оно ни заключалось. И чем разрушительнее реальность вокруг него, тем больше его христианские убеждения начинают влиять на профессиональные взгляды.

С этой точки зрения становится понятным горячее увлечение Гревса в 1920-х гг. идеями его близкого друга В. И. Вернадского³² о ноосфере. Эта концепция прекрасно объединяла столь

30 Вундт В. Психология народов. М.; СПб., 2002. С. 28. Ученик Гревса Н. П. Анциферов опирается на концепцию Вундта о природе мифа как продукта коллективного мифотворческого сознания; см. коммент. К. А. Кумпан и А. М. Конечного в изд.: Анциферов Н. П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга: [Репринт. воспроизведение изд. 1922, 1923, 1924 гг.]. М., [1991]. С. 78 (приложение).

31 Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Сочинения. М., 1988. Т. 1. С. 93.

32 Ср.: «Теперь, в старости, для меня является великим наслаждением, когда бываю в Москве, вслушиваться в то, что рассказывает мне друг моей юности и всей моей жизни Вл. Ив. Вернадский о результатах своих замечательных научных трудов» (цит. по: Каганович Б. С. Русские медиовисты первой половины XX века. С. 51).

важный для Гревса позитивистский объективизм естественного исследования — и глубокую личную религиозность и убежденность в неметафорическом существовании у человеческих сообществ общей души и общего духа³³. В цитированную выше статью «Город как предмет краеведения» термин «лучеиспускание», похоже, попал из бесед с Вернадским.

И тут мы снова должны вернуться к «всемирно-исторической» точке зрения. В середине XIX в. этот подход в исторической науке значил прежде всего отрицание разрыва между Античностью и Средневековьем, утверждение непрерывности развития европейской цивилизации и взгляд на нее прежде всего как на историю движения и взаимодействия народов и культур между собой. В конце XIX в. с этим уже никто не спорил, но в обострившихся распрях между народами — и учеными, говорящими от имени этих народов, — Гревс видел угрозу и этой непрерывности, и самой цивилизации. В энциклопедической статье об одном из самых важных для себя авторов, французском историке Н. Д. Фюстеле де Куланже Гревс пишет: «Он ясно доказал, что при объяснении постепенного перехода одного типа исторического существования в другой следует понимать, как движущую причину, не расы, выдвигавшиеся одна после другой, но всю совокупность культурного наследия, которое каждая эпоха оставляет позднейшей. Если он не видит действительно в германских варварах творческих начал, которые они самостоятельно могли внести в историю, как бы обновляя ее в момент, когда чувствовалось замедление прогресса, то он противопоставляет им не римский национальный гений, а неразрушимые результаты культурного развития человечества и закон

33 После катастрофы войны и революции религиозность Гревса становилась все более и более глубокой. Он постоянно упоминает в письмах о том, как ходит на службы и причащается, он входит в «Братство Св. Софии», читает лекции в Богословском институте. Б. С. Каганович записывает воспоминания ученицы Гревса М. Е. Сергеевны: «Гревс, когда я его знала, был глубоко православный человек. Достаточно сказать, что он был посвящен в стихарь, т. е. имел право надевать стихарь и быть чтецом в церкви. Таким образом, он имел низший церковный чин иподьякона» (Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. С. 46–47). См. также замечания Гревса на чтение «Переписки из двух углов» Вяч. Иванова и М. О. Гершензона (Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. С. 47–48).

необходимости их дальнейшего роста»³⁴. В начале XX в. взгляд на культуру «исторического человечества» как «неделимую», «не-разрушимую», «совокупную» в противовес описанию циклических разгромов, учиняемых при «смене рас» по отношению к предшествующей цивилизации, выглядел иначе, чем в середине XIX в. «Всемирно-историческая точка зрения» и «генетический подход» помогали Гревсу удерживать в качестве объекта исследования «целокупную культуру» в тот момент, когда ее трудно было видеть цельной, когда она начала рассыпаться — после мировой войны, революции, гражданской войны и начинающихся репрессий. «Она <целокупная культура> открывает важный путь для развития самосознания, а оттуда и самостоятельности края, и вручает необходимый элемент для познания страны (родиноведения), а потом всей земли. — Культура, мир человека, развитие его в личности и обществе, во всех сферах жизни, внешней и внутренней, в труде, деятельности и ее плодах, в мысли, сознании, его мотивах и построениях»³⁵, — пишет Гревс в 1924 г. С этой точки зрения становится понятнее, почему краеведение важно именно в качестве академической науки: только из описаний «ячеек цивилизации» может сложиться общая история человечества. А город — это не просто «ячейка цивилизации», это идеальная «ячейка цивилизации», «развивающаяся единица полной жизни целого местного общества, строящего свое благо трудом, физическим и духовным, для осуществления всего круга целей культурного бытия»³⁶. Поэтому Гревсу нет никакого резона вникать, к примеру, в научный антагонизм М. Вебера и О. Шпенглера — для него они важны и ценны оба, прежде всего утверждением города как главного объекта современной исторической науки, центра цивилизации, воплощения ее экономических, социальных, культурных, психологических механизмов. Гревс не только написал предисловие к переводу «Истории хозяйства» Вебера³⁷ (в том

34 Гревс И. М. Фюстель де Куланж, Ньюма Дени // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 36 А (72): Франконская династия — Хаки. СПб., 1902. С. 940–941.

35 Гревс И. М. Развитие культуры в краеведческом исследовании. С. 29.

36 Там же. С. 30.

37 Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей соц. и экон. истории / пер. под ред. проф. И. М. Гревса. Пг.: 1923.

же издательстве и в том же году вышел и знаменитый «Город»³⁸ под редакцией Н. И. Кареева). Он гордился тем, что Вебер был знаком с его работами и использовал их результаты³⁹. Читая же только что вышедший второй том «Заката Европы» (1922 г.) Шпенглера, Гревс понимает, что их размышления, одновременные и независимые друг от друга, пришли не только к сходным результатам, но и к сходному языку описания. Особо отмечая сам образ «Die Seele der Stadt» у Шпенглера, Гревс пишет: «...Он и мы независимо друг от друга построили этот образ (“души города”. — Е. Г., А. В.) уже в годы разобщения, наложенного бедствием мировой войны»⁴⁰.

И это еще один контекст для экскурсионных краеведческих текстов Гревса. Прогрессист Гревс всей душой откликается на пессимизм Шпенглера, хоронящего европейскую цивилизацию, ровно потому, что их объединяет трагический опыт исторической катастрофы, «годы разобщения» и «бедствия». В письме от 12 октября 1921 г. Гревс пишет бывшей ученице по Бестужевским курсам Е. Я. Рудинской, как весь прошлый год он провел в трудах с «группой экскурсионистов», и методическая работа по созданию экскурсий описывается им как род исторической рефлексии: «Быть среди памятников, общаться с людьми, их любящими, подводить к ним людей, от них просвещающихся, погружаться в подлинные художественные следы старины — в этом кроется источник громадного и разнообразного наслаждения. ... Когда погрузишься в созерцание этого прошлого, отрешись от настоящего, то черпаешь силу в ощущении связи между временами. Петербург теперь замечательно красив, и среди печального запустения величие его образа рисуется необычайно

38 Вебер М. Город / пер. Б. Н. Попова под ред. проф. Н. И. Кареева. Пг.: 1923.

39 См.: Герш К. В., Кузнецов А. А. Переписка И. М. Гревса и С. И. Архангельского (20-е годы XX века): личностно-биографический и историографический аспекты // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Казань, 2022. Т. 164. Кн. 3. С. 66.

40 Гревс И. М. Город как предмет краеведения. С. 63. В 1926 г. Гревс, создавая курс лекций для III Музейных курсов, организованных Наркомпросом в Москве, излагает концепцию Шпенглера (наряду с Брюном, представляющим школу *géographie humaine*, и Бюхером, представляющим «всемирно-историческую точку зрения») как важнейшую теорию описания «мирового города». См.: Смирнова А. Г. «Опыты построения п/отдела города». С. 237–238.

выразительно и глубоко. Могу сказать, что я понял его, свою вторую Родину, настоящим образом только теперь в связи со своей экскурсионной работой»⁴¹. Историк Гревс видит в происходящем финал огромного исторического периода, сравнимый с гибелью Римской империи, которой он много занимался как медиевист. В момент смерти имперский Петербург становится не только прекрасен — с его запустением, безлюдьем, травой на Невском и осыпавшимися вывесками. Смерть Петербурга ставит точку в имперском периоде России, который теперь можно описать, и петербургское «гуманитарное краеведение» неизбежно становится частью этого описания. Гревс восхищен определением, которое его ученик Н. П. Анциферов дал Петербургу: «город трагического империализма»⁴². Гревс постоянно использует его в самых разных статьях (в том числе и публикуемой ниже) — и пишет в предисловии к «Душе Петербурга»: «Петербург уже пережил апогей своей славы, померк ныне его блеск. Но умирает ли он или только тяжело болен? Будем верить, что он возродится не в прежней царственной мантии, но в новом расцвете научно-художественного зиждительства, идейной работы и культурной энергии, которые станут всенародным достоянием»⁴³.

Принимая гибель империи, Гревс не в состоянии принять гибель Петербурга. Уничтожение города для человека, убежденного, что именно города хранят душу разных цивилизаций, есть действие непоправимое, род преступления против человечности. Важно, что в статьях Гревса 1920-х гг. речь идет о защите от сноса не только каких-нибудь знаменитых «памятников культуры». Речь идет о спасении рядовой застройки, «городского пейзажа» Петербурга, того облика города, который аккумулирует суть «трагического империализма» и благодаря этому и становится субъектом исторического процесса. Гревс горячо включается в любую деятельность по спасению стремительно осыпающегося на глазах культурного слоя — будь то работа в Петроградском экскурсионном институте, Центральном бюро краеведения или обществе

41 Человек с открытым сердцем. С. 302.

42 Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пб.: 1922. С. 27.

43 Там же. С. 12.

«Старый Петербург — Новый Ленинград»⁴⁴. В статье «Памятники культуры и современность» (1929 г.) он пишет: «Гибель памятников — обеднение культуры, закрытие путей к пониманию ее развития и, стало быть, к живой и полезной работе в настоящем для будущего. Допуская их разрушение, налагаем руку на общее кровное богатство, принадлежащее современности, нужное для укрепления ее блага»⁴⁵, — и дальше: «Город весь, целиком, является собою замечательный памятник, свидетель всех веков, через которые прошла его жизнь. ... Важно оберегать неприкосновенность пейзажа города: если будет вырван из него разрушением даже один член, исказится и изуродуется весь облик! Не разрушайте городского пейзажа!»⁴⁶

Для публикуемого текста экскурсии по Васильевскому острову важны все эти контексты, и это образцовый документ для демонстрации методологии Гревса и его учеников. Гревс начинает с характеристики ландшафта, объясняющей, с какой целью на этом месте возникло поселение людей. Предваряет экскурсию информацией, почерпнутой из старых городских карт, комментирующей топографию. Отдает дань «всемирно-исторической точке зрения», поместив историю освоения будущих городских пространств в контекст исторического заселения дельты Невы. Следуя «генетическому подходу», определяет причины появления Петербурга в дельте Невы — и комментирует особенность Петербурга как города, придуманного «планомерно» гением-основателем и лишенного преемственности по отношению к цивилизации, существовавшей на этой территории до него. С одной стороны, такой тип возникновения городов он описывает в своих статьях как один из возможных — наряду с выросшими «стихийно»⁴⁷. С другой — в отличие от «римских колоний» или

44 См.: Конечный А. М. Общество «Старый Петербург — Новый Ленинград» (1921–1938) // Конечный А. М. Былой Петербург: проза будней и поэзия праздника. С. 520–542.

45 Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение. С. 75.

46 Там же. С. 77. «Уличный пейзаж», «городской пейзаж», в публикуемой статье о Васильевском острове «пейзаж города» — еще один важный термин, используемый Гревсом по аналогии с терминологией географов разных школ и естественнонаучных экскурсий. Ср. сочетание «уличного пейзажа» с термином «исследователь в поле»: Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах. С. 34, 48 4-й паг.

47 См., например, в статье «Город как предмет краеведения» (1924): «Так устанавливается и самый тип развития города, совершалось ли оно планомерно (по мысли основа-

«новых городов вне Европы», Петербург, с точки зрения Гревса, остается в пределах той миссии, которую этот создатель заложил. Если полагать, как Гревс, что «во все великие эпохи истории человечества города являлись яркими воплощениями культур, особенностей их “души”, или лучше выразившей души человечества»⁴⁸, Петербург может служить наглядным пособием в изучении «истории человечества» преимущественно как «седалище “трагического империализма”». Это город-репрезентация той части цивилизации («выраставшей души человечества»), которая называется «Российская империя», — и с этой точки зрения цитата из Достоевского про «самый умышленный город на земле» получает в статье Гревса дополнительные оттенки смысла.

Это объясняет, почему хронологические рамки существования города в публикуемом тексте (и прочих текстах Гревса о Петербурге) заданы исключительно историей империи и вписаны в рамку анциферовского «петербургского мифа»⁴⁹. Это объясняет, почему Гревс строит экскурсию по Васильевскому острову прежде всего как экскурсию по одному из локусов исчезнувшей имперской столицы, удачно репрезентирующему все этапы ее существования. Настоящее состояние острова, по сути дела, игнорируется, словно время поставлено на паузу. Нам показывают, что сохранилось от прошлого и зачем оно нужно было прошлому. Но нам практически не объясняют, какую роль эти здания и люди, которые в них живут, играют в настоящем. Будущее же

телей и руководителей, как римские колонии, как Ленинград, как новые города вне Европы), или стихийно (как большая часть)» (Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение. С. 68).

48 Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии. С. 21.

49 В данном случае термин «петербургский миф» используется в значении, сформулированном Н. П. Анциферовым, — прежде всего как этиологическая «легенда местности», совокупность материальных свидетельств о появлении конкретного поселения и интерпретаций представлений об этом процессе в городских легендах, значимых для горожан и влияющих на их действия в городе. См. Анциферов Н. П. Быль и миф Петербурга. Пг.: 1924. С. 49–85. Ср. интерпретацию этих терминов у Д. С. Московской: «легенда» местности — это «комплекс материальных, архитектурно-монументальных и природно-ландшафтных примет местности, которые в то же время являются историческим документом, в отвлеченной и символической форме сообщающим о причинах возникновения и смене политико-экономических и духовно-культурных функций поселения» (Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М., 2010. С. 5).

и вовсе обозначено туманным словосочетанием «внеклассовое общество»⁵⁰, формулой при советской власти сколь обязательной, столь и пустой — во всяком случае, для Гревса. Это объясняет, почему дотошный позитивист Гревс, изучающий материальный, «монументальный», облик города, постоянно апеллирует к необходимости взглянуть в «физиономию» города как способу проникнуть в замысел Петра, в «желание», которое «крепко держалось в его голове»⁵¹, постоянно возвращается к этому замыслу как причине возникновения той или иной городской особенности.

Васильевский остров с этой точки зрения действительно идеальный объект. Петр действительно имел прямое отношение к его планировке и задумывал его центром будущей столицы. То, что сохранилось на острове, сохранилось из всех эпох развития Петербурга, начиная с баснословной. Текст, написанный Гревсом, ведет отсчет Петербурга, как и положено по «петербургскому мифу», от пустого заболоченного пространства, покрытого лесом, с редкими вкраплениями рассеянных осколков предыдущих цивилизаций, — и последовательно описывает каждый следующий по хронологии культурный слой, вычлняя из «уличного пейзажа» нужные объекты и затушевывая ненужные. В докладе, предшествовавшем тексту экскурсии (о нем см. ниже), Гревс объясняет, как это сделать практически: нужно научиться не видеть лишнего: «Чтобы представить себе картину архитектурную старого Васильевского острова, надо зажмуриваться на громадные дома нового стиля и всматриваться в средние — каменные двух-трехэтажные, отчасти четырехэтажные»⁵². Задача экскурсии — не просто поставить наблюдателя в нужную точку и назвать ему то, что он видит, но заставить видеть в правильной последовательности, руководить взглядом, сцепляя видимые объекты в нужные смыслообразующие траектории и исключая из реальности анахронизмы, которые необходимо будет уви-

50 Ср. ниже в публикуемом нами тексте: «Такое топографическое переплетение элементов, должно надеяться, послужит одним из условий и дальнейшего внутреннего объединения рабочего класса с группами, отдающимися специально умственному труду в процессе рождения внеклассового строя будущего».

51 Ср. ниже в публикуемом нами тексте: «Но желание видеть на В. О. центр столицы крепко держалось в его голове до смерти».

52 ОР РНБ. Ф. 1148. № 61. Л. 10.

деть, когда повествование перейдет к следующей исторической эпохе; Гревс использует словосочетание «деятельное наблюдение». Объект городской застройки интересен не сам по себе, а как иллюстрация определенной философии, образа жизни и мысли обывателей, живших в ту или иную историческую эпоху и создавших определенный культурный слой, по которому мы можем всё это реконструировать.

Начиная с итальянских экскурсий, Гревс обязательно выстраивает эмоциональную драматургию и проговаривает, что именно вы должны чувствовать, когда смотрите на тот или иной объект, — например, «на площади перед Академией художеств создается простор и чувствуется несколько меланхолическая глубина». Но больше всего опыт «научных прогулок» по итальянским городам с целью образования историков сказывается в том, как Гревс, создав в тексте экскурсии сначала общий образ города/района, затем дробит его на самостоятельные *культурные урочища*, возникшие по тем или иным причинам, чтобы после заново пересобрать общее впечатление из индивидуальных «характеров» каждого локуса. Во время «идейных путешествий» по Италии именно так он ставил задачу для групп студентов, отправляя их в разные районы того или иного города и устраивая вечером, после того как группы возвращались, коллективную рефлекссию. То же мы видим и в экскурсии по Васильевскому острову. Гревс выделяет культурные урочища, связанные с присутствием на острове тех или иных социальных групп: поселения иностранцев («на стене одного дома 13-й линии висел плакат: “меблированный дом, *chambres meublées*, *moeblierte Zimmer*, *furnished rooms*”») и купечества (ввиду близости порта и таможни); университетской и академической профессуры (ввиду близости университета, Горного института и Академии художеств; Гревс описывает это как «наш Латинский квартал»). Особо отмечает отсутствие «дворцовых резиденций» и «военной окраски». Далее следуют «обширные» западная и юго-восточная окраины — каждая с ярко выраженной «физиономией»: «захолустный городок (слободка)» в Гавани, фабричные Чекуши, Смоленское поле и кладбище («поминки принимали часто не соответствующий месту характер попоек, подобных древним тризнам») и Голодай. В результате экскурсии Васильевский остров собирается как

«малый организм внутри большого целого мирового города», обладающий неповторимым характером, внешним обликом — и, как и положено, «душой».

Методология экскурсионного исследования города, предложенная Гревсом, уникальна. Ни научные путешествия по городам европейских ученых (вроде «Путешествия по Италии» И. Тэна), ни экскурсионное движение энтузиастов-родиноведов конца XIX — начала XX в. (которые обычно предлагаются в качестве контекста для Гревсова подхода) не могут служить исчерпывающими источниками его метода. Убеждение медиэвиста Гревса, что понимание законов исторического процесса возможно, только если ученые добавляют к изучению источников «полевое исследование» города (социокультурного организма, воплощающего в себе суть цивилизации), происходило из личного исследовательского опыта, многолетнего университетского и гимназического преподавания, пристального внимания к методам самых разных наук, занимающихся человеком, — и гуманитарных катастроф начала XX в. До войны и революции он воспринимал экскурсию прежде всего как инструмент научного познания: «От книг к памятникам, из кабинета на реальную сцену истории и с вольного исторического воздуха опять в библиотеку и архив! Таков должен быть девиз, который символизировал бы в историке взаимодействие различных фактов, обуславливающих возможность и силу его творчества. В свете такого понимания обнаруживается определяющее место монументального исследования как необходимого пути исторического познания — важное значение научного паломничества к великим святыням культуры как средства обучения мастерству историка»⁵³. А после — как способ сохранения и удержания в сознании современников исчезающего культурного ландшафта, необходимого звена всеобщей истории, без которого она становится неполной. Гревс и его ученики создали по-настоящему уникальную научную школу петербургского гуманитарного краеведения, чудовищно разгромленную в конце 1920-х — начале 1930-х гг., но успевшую исследовать, описать, зафиксировать

53 Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах. С. 27 4-й паг.

тот город, которого больше не существует. И мы, благодаря их усилиям, все еще можем почувствовать себя его жителями.

* * *

История написания публикуемого текста неизвестна. На основании содержания (о чем подробнее ниже) мы предполагаем, что работа над созданием очерка-путеводителя по Васильевскому острову была начата в конце 1926 — начале 1927 г. В это время Гревс, после ликвидации Петроградского экскурсионного института, продолжал работать в Центральном бюро краеведения и сотрудничал с обществом «Старый Петербург — Новый Ленинград». Сохранился тезисный конспект доклада И. М. Гревса — вероятно, перед коллегами — соавторами задуманного путеводителя, в который должен был войти очерк⁵⁴, но в какой из этих организаций доклад был прочитан, пока установить не удалось. Вступление посвящено обоснованию методологической корректности применения принципов описания города (в целом) к описанию его районов (частей):

«Мы говорили, что край есть целое, обладающее территориальной особенностью, природным и культурным единством. Затем мы пришли к выводу, что город — есть в нек<отором> смысле тоже край, благодаря органичности своего строения и жизни: город (по-нашему) есть личность (коллек<тивное> существо), обладающее плотью, ликом и душой.

Район есть часть города, как город есть часть местности (уезда, губернии, области, страны). Должна ли часть непременно быть механич<еским> отрезком целого или может жить собственной особою органич<ескою> жизнью, входя в то же время в общую жизнь целого, как и город входит в жизнь края, области, страны?

Думаю, надо ответить в последнем смысле, т. е. искать в районе внутр<еннее> единство и, если найдем, изучать его как коллективное существо. Такая индивидуальная окраска обуславливается (т. е. может обуславливаться) в районе различными мотивами — территориальным, монументальным, художественным, бытовым, социальным, духовным⁵⁵.

54 ОР РНБ. Ф. 1148. № 61. Л. 1–23.

55 См. статью Анциферова в «Краеведении», 1926, № 2. — Прим. И. М. Г. (Анциферов Н. П. Город как объект экскурсионного изучения // Краеведение. 1926. Т. 3. № 2).

Район, <таким> образом, может рассматриваться как живая ячейка, из сообщества которых образуется живое же целое города.

Это — не всегда так; иногда (может быть, и часто) районы города представляют нечто искусственное, просто условное административное деление; но нередко и наоборот: живая цельность и яркость индивидуальной физиономии района бросается в глаза.

Всего сильнее это наблюдается в большом городе (в нем иногда районы хранят в себе следы прежней самостоятельной жизни до сращения их в единое целое — например, они были слободами в старо-русских городах, или пригородами, приростами; или в силу самой “великости” города (его громады) жизнь частей своеобразно индивидуализируется⁵⁶; — но иногда с большей отчетливостью выделяется физиономия района и в малом (иногда даже кажется, что, войдя в него, мы перебрались в другой город).

Если я говорю верно, то нужно ли, во-вторых, вырабатывать особую схему для исторического изучения района? Полагаю, что нет: надо шествовать по тому же пути, по какому идем, изучая город вообще, — это объекты, различающиеся больше количественно, чем качественно (общая природа их однородна). Разница (главная) будет заключаться в том, что:

- 1) раз объект меньше, ограниченнее, то изучение его может осуществляться более пристально, подходя к исчерпанию. Можно доходить до глубины и до конца;
- 2) раз объект предмета суживается, то количество признаков, его характеризующих (содержательно), увеличивается⁵⁷; образ учащается и индивидуализируется.

Поэтому, мне кажется, не надо строить здесь особой схемы отвлеченно (много было бы повторений), а следует подойти к конкретному объекту реально, присмотреться к нему, наметить путь его изучения, следуя установленным общим принципам, и попутно выделять частичные изменения в работе или указывать

56 А в западных городах часто особенность района свидетельствует о давней его самостоятельной жизни внутри города. — Прим. И. М. Г.

57 Характеристичное для города обычно видят и в районе; но не наоборот: в районе найдется много свойственного ему одному. — Прим. И. М. Г.

вероятность иных приемов (в подробностях). Только всегда надо сохранять связь с целым (изучая район, смотреть на весь город)»⁵⁸.

После этого вступления И. М. Гревс переходит к описанию Васильевского острова, которое, собственно, и составляет основную часть доклада (лл. 2–23). Портрет острова носит черновой характер: гладкий связный текст постоянно дополняется новыми примерами (развернутыми или тезисными, на полях или в примечаниях, иногда на отдельных листах), в тексте много сокращений, исправлений и вставок. Иногда по ходу Гревс делает методологические замечания, например: «(Я стремлюсь исходить из монументальной картины, чтобы от нее прозревать социальную природу и углубляться в общественную> и духовную> жизнь)». «Необходимы постоянные и повторные “монументальные прогулки”. Во мне говорит не увлечение антиквара-любителя: это один из отличных способов ухватывать старый быт (материальный> и духовный>), без которого не понять настоящего»; «...так при изучении города и его района переплетаются топография, монументальная физиономия и быт. Это — тоже важное методическое замечание». Иногда даже: «Очень поучительная картина. Надо исследовать»; «Собирать всякую мелочь!» или «Тут непочатый угол интереснейших данных». Завершается доклад словами: «Я только набросал проблемы, стараясь их связать друг с другом». Думаю, василеостровское историческое краеведение даст ценный материал для истории Петербурга и для будущего путеводителя, который надо же наконец коллективными силами составить»⁵⁹.

Впоследствии материал, представленный в докладе, был подготовлен в виде очерка (раздела) для включения в готовящийся путеводитель. При переработке текста Гревс сохранил общую структуру (с некоторыми перестановками) и большинство рассмотренных памятников, но убрал теоретические вступление и отступления, развернул некоторые тезисы в связный текст, сократил часть деталей и большинство библиографических ссылок, уточнил современные названия. Стилистическая редакция объективировала текст, смягчив личностное отношение (так,

58 ОР РНБ. Ф. 1148. № 61. Л. 1–2.

59 Там же. Л. 19 об.

напр., «отлично помню, как много англичанок в молитвенниках шло в воскресенье» утром по Ник^олаевскому» мосту...» заменено на «По воскресеньям встречались... вереницы англичанок...»).

Работа над очерком была закончена в 1928 г.⁶⁰ Однако в печати он появился только в 1931 г. в значительно переработанном виде и без упоминания имени Гревса — в путеводителе «Ленинград», изданном Соцэкгизом⁶¹. В предисловии «От издательства» сообщалось: «В составлении книги принимали участие свыше 30-ти лиц. Материал для путеводителя собирался с 1928 г., и ко времени выпуска его он во многом устарел; все пришлось заново проверить и в значительной части переделать. Эта работа в издательстве была исполнена под общим наблюдением М. А. Орлова редакторами А. Д. Скалдиным и К. Г. Каплун при непосредственном участии одного из составителей и инициаторов издания Б. П. Брюллова»⁶². Далее в предисловии в качестве специалистов, чьими справками и сведениями пользовались при редактировании, перечислены члены общества «Старый Петербург — Новый Ленинград» В. Я. Курбатов, В. Н. Нечаев, А. Г. Яцевич, Н. Е. Лансере и сотрудники Эрмитажа и Русского музея М. Д. Философов и П. И. Нерадовский. В оглавлении указаны «составители» экскурсионного раздела (названного вполне в духе Гревса: «Прогулки по городу»): «С. А. Безбах, Б. П. Брюллов, А. В. Карлсон, Т. Б. Лозинская, Е. И. Медведев, Н. И. Маренец, Г. В. Старк и др.»⁶³. Мы видим здесь бывших сотрудников «гуманитарной секции» Петроградского экскурсионного института (им был в том числе и Б. П. Брюллов) и выпускниц Высших женских (Бестужевских) курсов. Имя Гревса нигде не упомянуто,

60 На это указывают добавленные ссылки на статью Л. А. Ильина (1927) и на «краеведный сборник» «Ленинград» (1928) (в рукописных тезисах к докладу самой поздней была ссылка на статью Н. П. Анциферова 1926 г.). Вместе с тем из доклада в текст очерка перешли реалии, ставшие за прошедший год анахронизмами: о. Голодай в 1926 г. был переименован в о. Декабристов, а Пушкинский Дом в октябре — начале ноября 1927 г. в срочном порядке переехал из помещений на Тифлисской ул. в здание Таможни. Впрочем, упомянутый в очерке Троицкий мост был переименован в мост Равенства еще в 1918 г., так что, возможно, Гревс в принципе не был слишком щепетилен, когда речь шла о старых и новых названиях.

61 Василеостровский район // Ленинград. Путеводитель: История. Экономика. Прогулки по городу. Музеи. Справочник. М.; Л., 1931. С. 235–250.

62 Там же. С. 5.

63 Там же. С. 6.

однако трудно предположить, что названные коллеги и ученики могли бы опубликовать его текст без его ведома и согласия, тем более без его подписи⁶⁴.

И тем не менее текст был опубликован, причем с серьезной, местами существенно искажающей авторский замысел правкой. Редактура была проведена по нескольким основным направлениям. Во-первых, последовательно вымараны индивидуальные особенности повествовательной манеры Гревса, связанные с его лексикой, грамматическими конструкциями, излюбленной терминологией и образностью, с его склонностью к личным размышлениям и личным впечатлениям в рамках исследовательской статьи и т. д. — начиная с заглавия: «Василеостровский район» вместо «Васильевского острова». Из текста в равной мере удалены и выражения вроде «седалище для мирового города», и «тароватые» дома, и органицистское сравнение биржи с мозгом городского организма, и размышления Гревса о мыслях и желаниях Петра, и любимые Гревсом сравнения с итальянскими городами. «Голодные и холодные годы» заменены на «годы гражданской войны», а упоминание «времени последней разрухи» убрано без замены. Исключены цитаты из Достоевского и отсылки к очеркам И. С. Генслера.

Во-вторых, правке или удалению были подвергнуты теоретические обобщения и методологически важные для Гревса апелляции к непосредственному взаимодействию со слушателями, приемы визуализации прошлого, обращенные к эмоциям и воображению экскурсантов.

В-третьих, существенна содержательная правка: значительно сокращено количество упоминаемых культурных объектов и фамилий людей разных сословий, живших на острове; полностью переписан фрагмент, посвященный промышленности, добавлены сюжеты, связанные с рабочим движением.

В-четвертых — и, возможно, это самая существенная линия переработки статьи, — была разрушена сама драматургия экскурсии. Для Гревса создание «правильной» последовательности

64 Отметим, что на первом листе публикуемого нами текста неизвестной рукой написан телефонный номер Б. П. Брюллова; впрочем, у нас нет оснований для того, чтобы как-то интерпретировать этот факт. — Если в тексте статьи не указано иное, то прим. Е. Г., А. В.

восприятия городского ландшафта путешествующим всегда было главной задачей, определявшей сам маршрут «научной прогулки». Тщательно продуманные переходы от одного объекта к другому, с точки зрения Гревса, давали возможность не только что-то узнать, но и научиться смотреть и видеть логику развития конкретного человеческого поселения, задачи и ценности его основателей и жителей — и пережить единение с ними. В публикации две линии экскурсионного движения, предложенные Гревсом (в разные стороны от Стрелки), разбиты на пять самостоятельных маршрутов, и общая логика изложения ломается и исчезает.

Как кажется, отчасти правка статьи была продиктована стремлением унифицировать тексты, вошедшие в издание, а также утилитарным, прагматическим назначением этого путеводителя. Но это не объясняет исключения имени Гревса из списка авторов. Возможно, причиной было усиление идеологического давления на гуманитарное краеведение и начавшиеся репрессии.

Нападки партии на краеведческое движение приобрели систематический характер начиная со статьи «Злые заметки» Н. И. Бухарина, опубликованной в январе 1927 г. в «Правде» и, по сути, начавшей травлю «любителей старины»-«гробокопателей». В декабре того же года прошла III Всероссийская конференция по краеведению, на которой гуманитарные краеведы-«гробокопатели» были строго осуждены, а советскому краеведению вменено обслуживание социалистического строительства.

В апреле 1927 г. Гревса вызывали к следователю в ОГПУ; обстоятельства неизвестны, дело не имело последствий (хлопотал С. Ф. Ольденбург)⁶⁵.

23 апреля 1929 г. был арестован Н. П. Анциферов по обвинению в участии в «контрреволюционной монархической организации “Воскресенье”». Гревса тоже вызывали по этому делу, обвиняли в соучастии и монархизме, ссылались на показания арестованных. Опять хлопотал С. Ф. Ольденбург, Гревс писал своим бывшим ученикам Н. В. Крыленко и Е. Д. Стасовой. Обошлось без ареста, но компрометирующие материалы на Гревса в архивах ГПУ накапливались⁶⁶.

65 См.: Каганович Б. С. Начало трагедии // Звезда. 1994. № 12. С. 131.

66 Там же. С. 138.

Тем временем партийная борьба с гуманитарным направлением в краеведении разрасталась. В апреле 1929 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) объявлено начало реконструктивного периода во всех областях жизни, и все нацеленное на «старину» вновь решительно осуждено. Осенью 1929 г. создано «Общество краеведов-марксистов» на базе Комакадемии. В декабре 1929 г. ликвидировано Общество изучения местного края. В конце 1929 г. закрыты «Известия Центрального бюро краеведения» и журнал «Краеведение», а вместо них с 1930 г. начал выходить журнал «Советское краеведение» с новой программой: «Обращение краеведения лицом к социалистическому строительству, перестройка рядов краеведения для активного участия в социалистическом строительстве, замена старых задач академического краеведения новыми, отвечающими эпохе диктатуры пролетариата»⁶⁷. С 1930 г. началась чистка в Центральном бюро краеведения, в Ленинграде закрылась секция охраны природы, памятников искусства, быта и старины, а в мае 1930 г. ликвидировано все ленинградское отделение ЦБК. В конце 1929 г. начались аресты по «академическому» делу, в том числе аресты краеведов, и весной 1930 г. из общего «академического» и «краеведческого» потока выделено отдельное делопроизводство о «контрреволюционной группировке в экскурсионной базе ЛООНО». Основными фигурантами стали ближайшие сотрудники Гревса по гуманитарному отделу Экскурсионного института и его ученики: Н. П. Анциферов, Я. А. Вейнерт-Влядих, Н. В. Вейнерт, Г. Э. Петри, О. М. Рындина, Г. А. Штерн, К. В. Ползикова-Рубец, А. С. Комелова, О. А. Гаккель, М. С. Казеннова. В июле 1930 г. Анциферова этапировали с Соловков в Ленинград для участия в следственных мероприятиях. Имя Гревса упомянуто в протоколах допросов Штерна, Вейнерт-Влядих, Петри, Анциферова⁶⁸. В обвинительном заключении, датированном 28 июня 1931 г., говорится о «непримиримой группе врагов среди старой реакционной интеллигенции, которая повела систематическую упорную борьбу с политическими

67 Новый этап в краеведении // Советское краеведение. 1930. № 1-2. С. 1.

68 Протоколы допросов см.: Гревс Иван Михайлович // Электронный архив Научно-информационного центра «Фонд Иофе». URL: <https://arch2.iofe.center/person/10959> (дата обращения: 04.08.2024).

установками Соввласти в экскурсионном деле» «за сохранение старых традиций буржуазной культуры и всеми мерами пыталась изолировать экскурсионный материал от классового политического анализа, останавливая внимание экскурсантов только на художественном описании прошлого, причем использовала свою работу для систематической монархической пропаганды»⁶⁹. Всего по делу проходит 25 человек, 9 освобождены под подписку о невыезде, остальные приговорены к лагерям и ссылкам.

Гревс остается на свободе, но 21 февраля 1930 г. его уволили из библиотеки ГАИМКа — единственного места, где он получал зарплату⁷⁰.

Такова обстановка, при которой происходила работа над подготовкой к изданию путеводителя «Ленинград». Она объясняет и содержание редактуры, произведенной в тексте Гревса, и отсутствие его имени в списке авторов; не исключено, что за пресловутым «и др.» скрываются и имена его арестованных учеников и коллег⁷¹. Под предисловием в путеводителе стоит дата: «Март 1931 г.». Пройдет немного времени, и репрессии дойдут до многих его создателей. Инициатор издания Б. П. Брюллов будет арестован в 1933 г. и погибнет в лагере в 1940 г. Главный редактор А. Д. Скалдин будет арестован в том же 1933 г. и погибнет в лагере в 1943 г. Оба указанные в предисловии консультанта от Эрмитажа тоже будут репрессированы: М. Д. Философов будет арестован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г., а П. И. Нерадовский будет арестован в 1933 г., в 1936 г. освобожден, в 1938 г. будет арестован повторно, но выживет и выйдет из лагеря в 1943 г.

Статья Гревса, посвященная экскурсии по Васильевскому острову, стала одной из последних его краеведческих статей, вобравшей в себя все важнейшие методологические принципы, а история анонимной публикации ее исковерканного текста — частью трагической судьбы петербургской школы «гуманитарного краеведения».

69 Обвинительное заключение. Следственное дело № 72-31 г. по делу контр-революционной группировки в экскурсионной базе ЛООНО // Электронный архив Научно-информационного центра «Фонд Иофе». URL: <https://arch2.iofe.center/person/2851> (дата обращения: 04.08.2024).

70 См. «Трудовые списки» И. М. Гревса: Человек с открытым сердцем. С. 307.

71 Не забудем, что вымарывание неугодных фамилий в книгах официально называлось «редактированием».

Текст публикуется по машинописной копии, отложившейся в архиве И. М. Гревса⁷².

При подготовке публикации орфография и пунктуация приведены к современным нормам с сохранением некоторых индивидуальных особенностей. Ошибки исправлены и отмечены в комментариях. Иноязычные фрагменты восстановлены по рукописному докладу. Топографические названия унифицированы и приведены к современным нормам. Сохранено постоянное сокращение «В. О.» (Васильевский остров) и общепринятые в путеводителях и справочниках сокращения арх. (архитектор), нач. (начало), ул. (улица), пр. (проспект) и т. п. Откомментированы только утраченные памятники. Библиографические указания сверены и приведены к современным нормам. Текст дополнен фрагментами из рукописи доклада; дополнения во всех случаях отмечены в примечаниях.

**ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ГРЕВС.
ВАСИЛЬЕВСКИЙ ОСТРОВ**

Это — один из наиболее обособленных и своеобразно окрашенных районов Петербурга-Ленинграда. Он сам по себе представляет большой город: в нем числилось около 10 000 душ, когда во всем городе было 60 000 (1762 г.); теперь в нем живет около 150 000 (на 1 620 000). Уже положение его среди вод между раздвоившимися Большою и Малою Невой и взморьем выделяет его как замкнутое единство; и жизнь на нем развилась по-своему под организующим влиянием особого сочетания природных и культурных условий, хотя и во взаимодействии со всем целым столицы.

В. О. занимает низовую часть дельты Невы, которая вся служит седалищем для мирового города. Очертания его походят на форму ромба, вытянутого больше к востоку. У него будто два лица: одно смотрит на море (в Европу), другое (Стрелка) глядит в город.

72 ОР РНБ. Ф. 1148. № 69. Л. 1–32. Текст напечатан на стандартных листах, с одной стороны, 2-й экз. Текст не авторизован: опечатки и ошибки не исправлены, иноязычные фрагменты не вписаны.

Впрочем, портовая роль В. О. не утвердилась, его взморье заглохло и лицо его объединилось, повернулось на восток.

Остров связан со всей историей «Северной Пальмиры». Он вошел в черту города уже при Петре В^{<еликом>}; одно время ему предстояло даже главенствующее место. Название его идет еще от времен новгородского владычества. В писцовой книге Водской пятины (ок. 1500 г.) упоминается «Васильев остров», принадлежавший посаднику Василию Селезню и конфискованный Москвою⁷³. К территории В. О. естественно причисляют остров Голодай, отделенный от него узкою Черною речкой: он получил это имя от фамилии англичан «Голидэй», владевших там крупную собственностью⁷⁴. В шведское время В. О. назывался по-фински «Хирвисаари» («Лосиный»), он был покрыт лесом, в котором водились и крупные животные. Восточный конец был луговой и болотистый. На нем существовали поселки: у стрелки находилась охотничья мыза шведского военачальника Делагарди с деревнею. На М^{<алой>} Неве у выхода Черной речки было рыбацье селение. У взморья жили лоцманы, проводившие суда в реку мимо мелей.

Петр В^{<еликий>} подарил В. О. своему любимцу Меншикову⁷⁵. Но он скоро понял топографическую важность ситуации его в передовом пункте дельты и, оставив тому обширную площадь земли, где построен был его первый дворец, царь вернул себе распоряжение всею территориею. Заботы о планировке и застройке города свидетельствуют о сознательности намерения основателя сделать из своего детища столицу. Петербург — действительно «умышленный» город, как говорит Достоевский⁷⁶. Но застройка шла с перебоями, потому что проекты часто менялись.

73 В докладе: «(Передававшийся рассказ, будто это имя произошло от командира батареи на острове Василия Кормчина <так!> во вр<емя> Петра, к<ото>рому царь будто бы посылал приказы — “Василию на острову” — не имеет основания. <См.:> Петров, 54–55». — *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1884.

74 С 1926 г.: Остров Декабристов.

75 Здесь и далее в тексте: Меншиков.

76 Выражение, употребленное Ф. М. Достоевским в «Записках из подполья» (1864): «Мне теперь хочется рассказать вам, господа, желается или не желается вам это слышать, почему я даже и насекомым не сумел сделаться. Скажу вам торжественно,

На самом старом плане (Лепинаса, 1714 г.) остров еще рисуется помещьем Меншикова; на серии последующих уже вырисовывается городской тип проектировавшегося заселения с тремя продольными проспектами, параллельно идущими от востока к западу, и пересекающими их прямоугольно улицами-линиями, образующими шахматную доску⁷⁷. У Петра выросла мысль превратить на острове улицы в каналы для прохода судов и для отвода волн при наводнениях — и так создать на Неве свою Венецию или Амстердам.

Царь замышлял перенести на В. О. центр города — дворцовый, административный, вельможный и торговый — с Петербургской стороны: там он мог казаться тесным и отдаленным от моря. Мысль нашла выражение в известном проекте франц-узского архитектора Леблона (1717 г.). План пленил Петра широтою размаха и стройностью системы. В грандиозном замысле Леблона — построить «идеальную столицу» — крепость, порт и резиденцию, — В. О. занимал на большом эллипсисе всего плана место самого крупного сектора, и он должен был быть богато отстроен и царственно разукрашен, как средоточие жизни и власти державного вождя.

Проект был невыполним в силу его отвлеченной «геометричности». Не удалась и система каналов. Их начали, как кажется, рыть в нескольких местах, но потом затея была брошена по недостатку средств или признана была ее нецелесообразность⁷⁸. Петр принужден был

что я много раз хотел сделаться насекомым. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вам, господа, что слишком сознать — это болезнь, настоящая, полная болезнь. Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достается на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия и, сверх того, имеющего сугубое несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре. (Города бывают умышленные и неумышленные.)» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 5. Л., 1973. С. 101. В докладе: «(Скептицизм Столпянского, в предисловии», и возражения Анциферова — "Быль и миф Петербурга". Значение легенд*).

77 См. статью Л. А. Ильина. Прошлое планировки Васильевского острова, — в журн. «Вопросы коммунального хозяйства», 1927, янв. и февр. — *Прим. И. М. Г. (Ильин Л. А. Прошлое планировки Васильевского острова // Вопросы коммунального хозяйства. 1927. № 1. С. 21–34; № 2. С. 53–68).*

78 В докладе: «Некоторые утверждают (Петров, Курбатов; даже писатели, близкие к Петрову времени, — Штелин и Голиков), что работы по рытью каналов были начаты,

ограничить свою страсть к водным путям. Но желание видеть на В. О. центр столицы крепко держалось в его голове до смерти.

Главные усилия направлялись на застройку восточного конца. Прежде всего, набережную Б<ольшой> Невы против Адмиралтейства и старого Исаакия⁷⁹ решено было занять рядом просторно размещенных вельможных палат, отчасти и официальных зданий. Здесь уже стоял, захватывая широкий фронт, дворец Меншикова. Сначала пышно отстроенный из дерева, он был заменен роскошными каменными хоромами, которые (впрочем, с пристройками и переделками) сохраняются до сих пор, как один из старейших памятников гражданской архитектуры в городе. Позади дворца обширная усадьба со службами, садами, даже ветряной мельницей простиралась до М<алой> Невы⁸⁰. Около дворца воздвигнута была мозаиковая церковь Воскресения (давно исчезнувшая)⁸¹. Дальше по той же линии ближе к Стрелке предполагались дворцы любимой сестры царя Наталии Алексеевны (перед самым островом) и вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны. Тут же намечалось место для кунсткамеры (муз<ея> редкостей). Так же должна была быть обстроена набережная после загиба Стрелки на М<алую> Неву: и там предоставлены были участки представителям знатным служилым людям <так!>: Голицыну, Строганову, Апраксину, Нарышкину, Демидову. Но почти всё осталось на бумаге. Начата была лишь кунсткамера, оконченная уже после Петра (арх. Маттарнови⁸², 1732). Еще дальше к западу по М<алой> Неве заложен был огромный Гостиный двор (арх. Трезини) с длинными эффектными аркадами, также законченный позже. От него сохранился лишь жалкий остаток. На ту же линию перенесены были биржа и таможня, пока скромно отстроенные; торговые сооруже-

но испортил дело Меншиков, искаживший проект Леблона, сузивший каналы и сделавший их непригодными. Столпянский же прямо говорит, что начали только один — от Невы к 6-й линии, а потом бросили. (Прав, думаю, последний)».

79 Имеется в виду первая церковь св. Исаакия Далматского, построенная в 1710 г.

80 См. брошюру К. В. Ползиковой-Рубец. — Прим. И. М. Г. (Ползикова-Рубец К. В. Дворец Меншикова. Пб., 1923).

81 Большой материал для описания старого В. О. у Игоря Грабаря. История русского искусства. Т. III. — Прим. И. М. Г. (Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. 3: Архитектура: петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. М., [1912]). Уточнение (в скобках) вписано от руки на поле.

82 В тексте ошибочно: «Матарковщц».

ния обслуживали морской порт: здесь должны были разгружаться корабли, прибывающие из-за границы.

Стрелка В. О. застраивалась, стало быть, по береговой дуге, определяющей формой мыса, который разделял два главных рукава реки. Концы ее задумано было сомкнуть с запада ориентированным поперек острова узким и длинным строением в три этажа для высших государственных учреждений — коллегий и сената. Оно возводилось по планам Доменико Трезини в стиле петровского барокко и тянулось далеко, навстречу Гостиному двору, выходя узким фасадом в 4 окна на Б<ольшую> Неву. Грузность здания облегчалась расчленением его на 12 соприкасающихся крупных павильонов с отдельно спускающимися высокими крышами, а тяжелые стены украшались ..., ⁸³ поднимающимися между окнами снизу до верха, и каждая из 12 частей обладает выступами по бокам, увенчанными причудливыми фронтонами.

Сообщение между частями здания осуществлялось по продольной галерее в двух этажах. Нижний предназначался для складов, и параллельно длинному фасаду предполагалось прорыть канал от Б<ольшой> к М<алой> Неве для поставки товаров в город и в порт. Строение было закончено после Петра, а с 1838 г. в нем помещается Университет. Между описанными разнородными постройками внутри от Стрелки до 12 коллегий получалась площадь, огражденная большой дугой, стянутой хордой. На ней предполагено было воздвигнуть соборный храм имени Андрея Первозванного, а также поместить колоссальную конную статую Петра по модели Растрелли Старшего⁸⁴. Начатая кунсткамера являлась зерном здесь же задуманных научных и просветительских учреждений. Площадь, однако, долго оставалась неустроенной и болотными неосушенными лужами⁸⁵; на ней сделан был только павильон-башня, в котором помещен гигантский глобус, подаренный Петру герцогом Голштинским.

83 Пропуск в тексте, вероятно, для вставки иноязычного слова.

84 Она была отлита при Елизавете Петровне, а затем была поставлена Павлом I перед Михайловским замком. — *Прим. И. М. Г.*

85 Глагол утрачен, видимо, при перепечатывании.

Такова была первоначальная распланировка восточной оконечности В. О. вплоть до Кадетской линии, причем вся юго-восточная часть последней была занята западным боком наиболее внушительной усадьбы Меншикова. Организацию В. О., как столичного центра между двумя продольными магистралями (Большим и Средним проспектами) примерно у 8-й — 9-й линии (по плану Леблон)⁸⁶. Его окружение предоставлялось, кроме не хватающих еще правительственных учреждений, жилым домам обывателей различных категорий, но больше всего для именитых и зажиточных людей, причем строить предписывалось по образцам, выработанным Трезини. Простые («подлые») люди обязаны были селиться на окраинах. Служилым людям и купцам было прямо приказано непременно строиться на В. О. и устраивать торгово-промышленные заведения — рынки, лавки, мастерские, трактиры.

Задаче Петра установить на В. О. царственное средоточие не суждено было реализоваться. К постройке дворца и не приступили — центр столицы естественно переместился и развивался на южной (Московской) стороне города. Но морской порт был там устроен, именно на Малой Неве около Стрелки. Благодаря этому положенная инициатива заселения В. О. продолжалась и после основателя. Интенсивнее всего осуществлялась художественная застройка Стрелки, с которой удобнее всего начать монументальную прогулку по острову. Памятники зодчества сильнее всего воплощают в пейзаже города образы развивающейся культуры.

Это — один из красивейших пунктов столицы в его картине, образовавшейся к началу XIX в. Охватить ее лучше всего сначала издали, с Троицкого моста (ныне мост Равенства)⁸⁷ или из окон Эрмитажа. Перед глазами откроется и в солнечную, и в суровую погоду, и с зеленью лета, и под снегом зимы неповторимо прекрасный водно-архитектурный ансамбль. Потом вступим на самый остров и станем в красивом сквере, заново разведенном на самом острове Стрелки. Река с двух сторон отделяет нас от остального города; но группа великих произведений архитектуры, видимых нам отсюда,

Возможно, при перепечатывании утрачен фрагмент предложения.
Троицкий мост; с 1918 г. мост Равенства; с 1934 г. Кировский; с 1991 г. снова Троицкий.

сближает три центра города (Петербургский, Адмиралтейский и Васильевский): это Биржа, Крепость с Петропавловским собором, Зимний Дворец и Адмиралтейство. Поверх водных пространств они образуют как бы кольцо, смыкающее эти три части в сложное единство человеческого общежития, труда и творчества. Здесь одна из выразительнейших исходных точек для познания лица города, его внутреннего характера и красоты.

Порт действовал здесь уже при Петре, современники изображают живыми красками совершавшееся около старой биржи напряженное движение судов и людей. Но архитектурное место долго оставалось неустроенным. На самом мысу при Анне Иоанновне на сваях находился «иллюминационный театр», откуда пускались фейерверки. Он был уничтожен при Елизавете Петровне, а Екатерина II признала необходимым монументально разукрасить Стрелку: в блистательное царствование, когда империя приобрела мировое значение, нельзя было оставить неубранным то место в столице «Семирамиды севера», которое первое должно было поражать глаз иноземных гостей при въезде.

Застройка Стрелки была поручена Джакомо Куаренги, уже занятому зданиями Акад<емии> Наук. Он разработал проект, сильный художественным величием и цельностью классического стиля, в котором он был великим мастером. В центре всего комплекса помещалась Биржа, и ее должны были окружать обслуживающие ее сооружения. Фундамент был заложен (1784 г.), но дело затянулось, и вкус нового монарха Александра I предпочел конкурирующий план Тома де Томона, по которому и выполнена была задача (1805–1810). Хорошо всмотреться во все подробности предстоящей нам замечательной архитектурной композиции; но здесь могут быть даны лишь краткие указания.

Биржа воздвигнута по самой оси Стрелки. Автора вдохновляли великолепные развалины греческого храма Посейдона в Пестуме (южн<ая> Италия)⁸⁸, и он построил над Невою величественный храм со строгою дорической колоннадою кругом. Биржа Томона стоит

88 Храм Посейдона в г. Пестум (греч. название Посейдония; расположен в области Лукания, в 35 км. от Салерно) был построен во второй четверти V века до н. э.

высоко на мощной гранитной субструкции (основании); к переднему фасаду ведет широкая лестница. Линии белых колонн и пластические украшения ярко выделяются на сером фоне строения. На фронтоне торжественная скульптурная группа изображает Нептуна (Посейдона), бога моря: на колеснице он правит вздымающимися конями по волнам морской пучины. Перед грандиозным зданием разворачивается полукруглая площадь, омываемая Невою; на ней возвышаются в качестве маяков декоративно поставленные (по воспоминаниям древнего Рима: Томон был горячим поклонником «Вечного города») две ростральные колонны с кормами кораблей по бокам и колоссальными статуями Посейдона и Амфитриды (его супруги) у подножий. Вся эта символика воплощает назначение морского порта. По обеим сторонам пышного храма, посвященного Плутосу — богатству, симметрично расположены одинаковые суровые фасады «пакгаузов», и они своею простотою помогают эффекту центрального здания. Здесь создан видный издали подлинный, художественно украшенный центр растущего экономического организма, его мозг, связывающий части города в одно хозяйственное целое и объединяющий город с миром властью денежной силы. Особенно было выразительно зрелище прежде, когда кругом клокотала жизнь. Один из наблюдавших его современников (Свиньин в 20-х гг. XIX в.) восторженно пишет: «Рассматривая сии разнообразные картины, стечение всех народов, смешение всех языков, силу всех страстей человеческих, не можешь не быть пораженным могуществом той власти, которая производит все сие, которая одному велит снисходить в недра земли, или спускаться на дно морское, другому подниматься выше облаков, которая назначает круг действия гренландскому рыбаку и готтентотскому зверолову, которая дает щепню цену золота и брильянтов, которая была началом всех важных открытий и усовершенствований, одним словом — торговля»⁸⁹. А современный нам исследователь (Н. П. Анциферов) прибавляет: «Пульс экономической жизни, бывший здесь некогда, теперь замер; но наши мысли при созерцании остающихся памятников, погружаются в прошлое, чтобы там найти былое кипение»⁹⁰.

89 Свиньин П. П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. [Тетр. 1]. СПб., 1816. С. 110.

90 Источник цитаты не установлен.

Противоположный фасад Биржи выходит на площадь перед 12 колоннами. На фронтоне его царит аллегорическое женское божество — олицетворенная Северная Пальмира, в короне под видом городской башни и в соответствующем окружении: опять символ мощи⁹¹ морской державы. Здания пакгаузов расходятся полукругами. Впереди был Биржевой сад; в нем происходил розничный торг экзотическими редкостями, привозимыми весною с открытием навигации — обезьянами, попугаями, канарейками, кораллами, раковинами, павлиньими перьями и т. д. Это привлекало зрителей всех званий и возрастов. Биржевой сад был раздавлен постройкой женской больницы⁹². Остались только большие деревья, шедшие вдоль решеток сада, да воспоминания видевших его стариков.

На биржевой Стрелке поучительно пробыть подольше в деятельном наблюдении. Дальше отсюда открываются два маршрута: 1) по Малой Неве и 2) по Б<ольшой> Неве.

Первый довершит картину «Петербург — морской порт». — Последуем сюда и укажем лишь характернейшие памятники. Пакгауз со стороны набережной украшен колоннадою, вставленною в выемку стены по фасаду. Рядом высится большое, красивое здание портовой таможни. Оно отлично поставлено, построено Луккини в поздне-классическом стиле, с ионическим портиком, с фронтоном, опять отделанным атрибутами торговли. Над ним — статуи из того же мифологического цикла. Сверху — вышка с флагом, развешивавшимся для приветствования подходивших судов. Сзади скучены относящиеся к нуждам таможни товарные строения (теперь в залы ее переселился «Пушкинский Дом»⁹³). Сбоку приютилась миниатюрная часовня в виде греческого храма с обихристианскими орнаментами без выраженной принадлежности

91 В тексте ошибочно: помощи.

92 Имеется в виду здание Императорского клинического повивального института (сейчас НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии имени Д. О. Отта), построенное в 1899–1904 г. по проекту арх. Л. Н. Бенуа.

93 Имеется в виду здание по Тифлисской ул., д. 1, в котором с 1922 по 1927 г. размещался Пушкинский Дом; сейчас оно занято частично книгохранилищем БАН, частично ВНИИ галургии.

к вероисповедному культу⁹⁴: она — единственный скромный религиозный памятник среди обстановки ярко мирской культуры. Перед таможеню монументальная гранитная лестница спускается к реке. Открывается живописный вид по воде в сторону Петровского острова: поверх зелени парка на горизонте поднимаются фабричные трубы и виднеется взморье.

За Невою высятся купола и колокольня Князь-Владимирского собора постройки Ринальди, а на островке перед ним, теперь уже соединенном искусственно с Петербургскою стороною, размещилось длинное и грузное строение, не лишенное суровой гармонии в распределении масс. Оно похоже на купеческие дома-крепости XVII в. (как Поганкины палаты во Пскове), только грандиознее их и гораздо богаче отделано. Оно неосновательно слыло за «дворец Бирона»: это — громадный амбар («буян») для пеньки, и он прямо относится к портовым сооружениям. Это — также произведение Ринальди (1760-х годов)⁹⁵.

Весь кусок территории В. О. за старым Гостиным Двором до 1-й линии (начало Среднего проспекта) и отходящие от него переулки носит характер «припортового конца». Он покрыт товарными складами, амбарами, казенными или частными (ими заняты целые улочки), или купеческими домами, скромными и тароватыми. Место разрушенного старого Гостиного двора теперь занято новою библиотекою Академии наук⁹⁶ и огромным зданием, где помещается Военно-политическая Академия имени Толмачева и Управление промышленности и торговли⁹⁷. На углу Тучкова и Волховского переулков еще недавно стояли два приземистых

94 Часовня Спаса Нерукотворного образа, приписанная к церкви Св. Великомученицы Екатерины, была построена в 1832 г. (арх. Дж. Лукини); снесена в начале 1930-х гг.

95 Имеется в виду Тучков буян.

96 Новое здание Библиотеки Академии наук на углу Тифлисской ул. и Биржевой линии было построено в 1914 г., однако в связи с началом войны предоставлено военному ведомству для организации госпиталя; библиотека размещилась в здании с середины 1920-х гг.

97 Здание на углу Биржевой линии и Тучковой наб. (теперь наб. Макарова) было построено в 1915 г. для Министерства торговли и промышленности. После 1917 г. в нем располагался Совет народного хозяйства Северной области, а с 1919 г. — Учительский институт РККА (с 1925 г.: Военно-политическая академия им. Н. Г. Толмачева).

домика, совсем похожие на трезиниевские модели для «подлых» людей. Они, должно быть, сохранялись от служб Меншиковской усадьбы и уничтожены были во время последней разрухи⁹⁸. Стоит постранствовать по этим закоулкам, вглядываясь в архаические группы домов, заходя во дворы: вас охватит дыхание отлетевшего быта. Особенно любопытен угол 1-й линии и набережной Малой Невы. У самого Тучкова моста издавна висит вывеска — «Торговые бани». Характерно, что они «торговые»⁹⁹ и они уже давно здесь действуют, как необходимое удобство для работающих в порту. Во втором дворе этого же дома увидим редкие у нас длинные галереи вдоль трех этажей, подобные итальянским «ложам». Они служили ходами в открывавшиеся на них амбары. И дальнейший большой серый дом (по набережной № 18) повторяет во дворе ту же особенность: тут же четырехэтажные просторные галереи, крепкие и тяжелые, с пологими спусками, по которым втаскивались тюки и вкатывались¹⁰⁰ бочки. Это совсем оригинальные торговые дома, вроде «фондаков»¹⁰¹ в Италии, где и жили, и складывали товары, может быть, иностранцы.

Все место кругом застроено было купеческими обиталищами. Дома переделывались, собственники менялись, но фамилии и деяния первых строителей хранятся в летописях В. О. Это были Яковлевы, Красильниковы, Берги, Жадимеровские, Василовуло, Меняевы — и русские, и не русские. Тучковы даже дали имя мосту (постр<оенному> в 50-х гг. XVIII в.), в строительстве и эксплуатации которого они участвовали. Некоторые прикосновенны были к винным откупам и насаждали на о<стро>ве кабаки (питейные дома упоминаются тут, впрочем, уже при Петре). По имени Загибениных назван был «загибающийся» переулок, усаженный их домами (ныне Тучков и Двинский). Еще не так давно богатеи бр<атя>

98 Они сняты у В. Я. Курбатова, Петербург, стр. VI. — *Прим. И. М. Г. (Курбатов В. Я. Петербург: Художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы. СПб., 1913).*

99 «Торговые» здесь устар.: общедоступные платные.

100 В тексте ошибочно: вскрывались.

101 Фондако — специфический вид постройки, подразумевающий соединение жилых и складских помещений; применялся в основном в колониях иноземных купцов на Востоке и в южной Европе. Статью «Фондако» для энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона написал И. М. Гревс в соавторстве с А. К. Дживилеговым.

Елисеевы застроили большой квартал доходными домами и здесь же устроили оптовый магазин своих бакалейных товаров. Одно особенно видное купеческое гнездо дожило до нас от конца XVIII в. Это дом Кусова (на 1-й линии близ моста), где до революции была больница Марии Магдалины (ныне больница имени Веры Слуцкой). Перед нами солидная постройка классического стиля с садом позади. Кусовы были многомиллионщики. Они вели огромные дела по всей России и за границей, даже в Америке. Кусовы были тронуты европейскою цивилизациею: они имели большое влияние в торговом мире столицы и в ее муниципальном управлении. Их василеостровскую контору многие нити соединяли с деловыми, даже с просветительными учреждениями города; они протягивались и дальше в мир при помощи судов, принадлежавших «торговому дому Кусова с сыновьями». Их иждивением построена близлежащая церковь Св. Екатерины, также окруженная купеческими жилищами и старыми, разрушающимися амбарами.

Здесь мы можем закончить экскурсию в старый морской порт, которая раскрывает характернейшую страницу из иллюстрированной книги «Васильевский Остров» и из истории Петербурга. Надо изучить отдельно сообщаемые сведения¹⁰², а потом обдумать и сплотить виденное в цельную и осмысленную картину.

Для второй экскурсии надо вернуться к Бирже и пойти от нее по Большой Неве. Это будет вместе со Стрелкою наиболее пышная и красивая по художественному богатству часть В. О. Назовем по этому пути лишь замечательнейшие этапы. — Длинная полоса у Дворцового моста (Республиканский)¹⁰³, занятая Академиею Наук. В состав ее усадьбы (теперь образовавшей в данной местности целый городок) прежде всего входит бывший пакгауз (в нем Зоологический музей)¹⁰⁴. За ним следует перестроенная кунсткамера с башнею, соответствуя по симметрии таможне на противоположной стороне Стрелки. (В ней долго находилась академическая

102 В тексте слово пропущено.

103 Каменный Дворцовый мост, построенный в 1911–1916 гг., с октября 1918 по 1944 г. носил название: Республиканский.

104 Уточнение в скобках вписано над строкой вместо вычеркнутого: «соответствующий тому, который с другой стороны от Биржи стоит на Малой Неве».

библиотека). Рядом с нею расположено главное здание Академии с колонным портиком и высокою двойною лестницею; крыша с двумя куполами по концам. Дом является произведением Куаренги, мастерским по выдержанности и благородству строгого классического стиля. В последние годы восстановлена традиция двухцветной окраски строений в стиле барокко и ампира, что и соответствует их художественному типу и что выявляет их эстетическую природу.

Об университете, протягивающем вдаль свое длинное тело по другой стороне широкой улицы, отделяющей его от Академии, уже говорено выше: он создает хорошую перспективу с его большими окнами, пилястрами, решетками балконов и фронтончиками, несколько затененную разросшимся садом. Окраска его, совсем облупившаяся, находится в жалком состоянии. На Неву выходит узкий фасад и ворота университета; внутри во дворе видится мрачная масса Здания для игры в мяч (относящегося к самому концу XVIII в.). В главном здании величественный белый актовый зал с колоннами (нач. XIX в.) и «зал Петра»¹⁰⁵ с лепными украшениями, оставшимися от первоначальной стройки. — О дворце Меншикова речь также шла выше. Позднейшие переделки для Шляхетского корпуса изменили его общий вид, и он утратил чистоту архитектуры Петровского времени, но и теперь представляет целое, не лишённое строительной и декоративной эффектности¹⁰⁶. Против него на ту сторону распоряжением Меншикова по смерти Петра был перекинут первый деревянный мост через Б<ольшую> Неву. — Посредине квадратной площади, на углу которой стоит Шляхетский корпус, поставлен памятник Румянцеву в виде обелиска работы Бренна (1798 г.); он окружен сквером, местом прогулок для жителей В. О., бедного общественными садами.

На противоположной стороне площади возвышается занимающая обширное место вдоль набережной и вглубь по третьей и четвертой

105 Сейчас принято название: Петровский зал.

106 Настоящий вид дворца в старину восстанавливается по гравюре Зубова (1717 г.) и рисунку Марселиуса (1725). Внутри сохранились комнаты с первоначальной отделкой. — *Прим. И. М. Г.*

линиям своею громадною, но хорошо расчлененною массою Академии художеств. Строилась с 1764 г. сначала по проекту Кокоринова; но он находился под слишком сильным влиянием Растрелли, чтобы удовлетворить повороту вкусов, искавших уже классических образцов. Переработка плана поручена была Валлену-Деламоту¹⁰⁷, вообще много украсившему столицу своими произведениями в эту переходную пору к новому строительству. Ему принадлежит великолепный главный фасад на Неву с выдвинутым вперед парадным входом, удачно задуманным и обработанным. Нижний этаж выведен «рустикой», верхний образует дорический портик со статуями-копиями с французских Геркулеса и Флоры между колоннами. Фасад считается шедевром нашего зодчества XVIII в. Здание увенчано куполом, над которым прежде красовалась колоссальная статуя Минервы, потом снятая вследствие¹⁰⁸ пожара, и купол остается без возглавления¹⁰⁹. Внутри — оригинальный круглый двор, равный по диаметру с куполом храма Петра в Риме. Перед Академией широкий спуск к реке, отделанный Тоном, украшен двумя подлинными сфинксами, вывезенными из египетских Фив. Этим создается особое настроение; на площади перед Академией художеств создается простор и чувствуется несколько меланхолическая глубина.

Василеостровскую набережную по Б<ольшой> Неве недостаточно пройти вблизи. Общую ее картину следует рассматривать в целом и с противоположного берега реки, двигаясь от Адмиралтейства к памятнику Петра В<еликого>, и с Англ<ийской> набережной: это действительно один из лучших линейных пейзажей города. Блестяща и выразительна она зимою, в солнечный день, когда переходишь по льду через реку.

107 В тексте: Валлену-Делямотту.

108 В тексте ошибочно: впоследствии.

109 В 1786 г. на куполе здания Академии художеств была установлена деревянная группа (Минерва с окружающими ее гениями), в 1819 г. она была уничтожена во время шторма. В 1885 г. была установлена новая группа; на бронзу не нашлось денег, поэтому установили временную скульптуру из специально обработанного гипса, обложенного медными листами. Скульптура вскоре пришла в негодность и окончательно разрушилась при пожаре 1900 г. Изготовленная по историческим эскизам бронзовая группа была установлена на куполе во время празднования 300-летия Петербурга в 2003 г.

Дальнейшая часть набережной за б<ывшим> Николаевским¹¹⁰ мостом¹¹¹ богата старыми барскими домами солидной конструкции. Они интересны и своими дворами, и задворками, выходящими в переулок. Дом Ак<адемии> наук на углу 7-й линии — с дорическим портиком. И глубже в линиях можно встретить остающиеся интересные особняки дворянских жилищ. Такова, например, большая усадьба, построенная по плану арх. Михайлова 2-го на углу Б<ольшого> просп<екта> и 7-й линии, где теперь типография Ак<адемии> наук¹¹². — Между 11-й и 12-й линиями обширное здание Морского корпуса (постр<оено> арх. Ф. Волковым в 1796 г.) на месте, где некогда стоял дворец Миниха. Завершением экскурсии¹¹³ явится Горный институт с его несравненным двенадцатиколонным дорическим портиком, который построен Воронихиным также по вдохновению от храма Посейдона в Пестуме¹¹⁴. Этот грандиозный архитектурный образ встречает того, кто въезжает в столицу с моря, и провожает того, кто отъезжает из нее Невою. Вместе с Новым Адмиралтейством на противоположном берегу реки — Горный институт образует как бы гигантские ворота, замыкающие город с запада. Фасад украшен статуями Демут-Малиновского, и все обширное здание во дворе и внутри заключает интересные художественные особенности. Расположенный рядом с Горн<ым> инст<итутом> на островке Масляный буян является здесь остатком плана Леблана¹¹⁵.

Мы видели, как богат и обилен В. О. выдающимися произведениями искусства различных эпох и различных стилей. Художественно

110 В тексте ошибочно: Никольским.

111 Построен как первый каменный мост через Неву в 1843–1850 гг. (ныне мост Лейтенанта Шмидта). — *Прим. И. М. Г.* В тексте годы постройки моста не были указаны; добавлены публикаторами. Мост при открытии в 1850 г. был назван Благовещенским, переименован в Николаевский в 1855 г., в мост Лейтенанта Шмидта в 1918 г. В 2007 г. мосту возвращено название: Благовещенский.

112 Дом-особняк на углу Большого пр. и 9-й (а не 7-й, как ошибочно указано в тексте!) линиями был построен в 1808–1810 гг. по проекту арх. А. А. Михайлова для португальского купца Педро Лопеса. В 1825 г. особняк был арендован, а в 1829 г. выкуплен Академией наук у нового владельца купца Е. Ф. Ганина.

113 Большая и роскошная пятиглавая церковь, построенная в недавнее время при прежнем Киевском митрополитом подворье, не соответствует своим русским стилем местному архитектурному пейзажу. — *Прим. И. М. Г.*

114 В тексте ошибочно: Питуме.

115 П-образный Масляный канал, отделявший Масляный буян, был засыпан в 1950–1960-е гг.; сейчас проезд.

он жил вместе со всем городом. В нем отсутствуют лишь памятники зодчества Растрелли и его ближайших учеников. Но из круга памятников возродившегося в новые времена классицизма («ампира»), именно особенно характерного для старого Петербурга, В. О. обладает на Стрелке одним из лучших архитектурных ансамблей от эпохи его процветания. Творения Куаренги и Томона одевают голову В<асильевского> О<стро>ва великолепным венцом.

Углубимся теперь внутрь В. О., отыскивая там характерных следов старины и новизны. Гранью вышеописанной части являлись Кадетская и 1-я линия (ныне ул. Съездов)¹¹⁶. Войдем в нее теперь с юга от Румянцевского сквера. Спокойная, несколько пустынная улица характерна для картины старого В. О. Там много домов первой половины XIX в. Есть и более ранние воспоминания. Справа долго тянется здание прежнего «Шляхетского» (потом 1-го Кадетского) корпуса, оканчивающегося интересным особняком на углу Двинского переулка (перв<ая> полов<ина> XVIII в.). Дворы (с арками) и сады его представляют лабиринт с наслоениями разных эпох. Слева — ряд двухэтажных домов старинной внешности. На углу Б<ольшого> проспекта Лютеранская церковь Екатерины работы Фельтена с принадлежащими к ней остальными домами. Дальше есть дома от 30–40-х гг. XVIII в. Перспектива заканчивается большим храмом Екатерины Великомученицы с грандиозным куполом работы Михайлова 1-го и более позднюю колокольню. За нею у Тучкова моста мы выше видели еще замечательные здания. Против церкви Екатерины можно отметить монументальный дом, где помещалась католическая духовная академия, постройки Михайлова, с эффектным полукруглым двором по плану Стасова.

Остановившись на 1-й линии у начала Б<ольшого> проспекта, открываем далекий вид до самого взморья. Это основная артерия в планировке о<стро>ва (длиной ок<оло> ... килом<етров>¹¹⁷). Она пересекается идущими к Среднему и Мал<ому> просп<екту> «линиями». План однообразный, но если всматриваться в каждую,

116 Кадетская линия с 1918 по 2007 г. называлась Съездовской; 1-я линия названия не меняла.

117 Пропуск в тексте. Протяженность Большого проспекта составляет 3,4 км.

можно уловить их индивидуальность. В переулках (Соловьевском¹¹⁸, Академическом и др.) наталкиваемся на стильные уголки. Чтобы сродниться с районом, надо побродить в укромных его местах¹¹⁹.

Есть ли на о<стро>ве настоящий центр и главная улица? На первое можно ответить: да. То будет широкий перекресток, где сходятся Б<ольшой> просп<ект> с 6-ю и 7-ю линиями. Здесь в непосредственном соседстве увидим Андреевский собор и Андреевский рынок¹²⁰. Собор имени Андрея Первозванного являлся всегда влиятельным религиозным центром В. О., объединяя в приход значительную «переднюю» его часть, наиболее населенную и давно принявшую «каменное» обличье. Он был построен сначала из дерева в 1732 г. (освящен знаменитым Феофаном Прокоповичем); после пожара возобновлен каменный по плану арх<итектора> Иванова в стиле трезиниевского барокко с пятью удлиненными куполами и колокольнею со шпилем. Рядом находится еще более архаическая церковь Трех Святителей, построенная Трезини.

Андреевский рынок — интересный объект экономического и бытового изучения. Возник он при Екатерине II, расширился и перестраивался¹²¹. Продолжением его служит Б<ольшой> проспект между 5-ю и 8-ю линиями и 6-я и 7-я линии до Средн<его> просп<екта>, где есть типичные купеческие дома. Торговля обслуживала на о<стро>ве лишь повседневные нужды. Там до конца не было больших магазинов, какие возникли в последние десятилетия на Б<ольшом> просп<екте> Петербургской стороны: для важных покупок островитяне шли «в город». Около рынка помещались банкирские конторы (поскромнее), трактиры — чистые и черные,

118 До 1871 г. Песочный пер.; с 1952 г. ул. Репина.

119 Хорошо ходить по линиям В. О. с художественным путеводителем «Петербург» В. Я. Курбатова. — *Прим. И. М. Г.*

120 Это — как часто было в старых зап<адно>европ<еских> городах, по образцу которых отчасти строился Петербург. И в нашей провинции «ряды» часто окружают «собор». — *Прим. И. М. Г.*

121 В докладе далее: «Обстановка около рынка. Трактиры. "Золотой якорь" — для более состоятельных. "Плевна" (потом "Олень") для "простых". "Кабаки" и трактиры издавна на В. О. (Питейные дома) — со времен Анны Иоанновны. "На бойких местах" — казенные и откупщиков (Тучкова и других). Немецкие рестораны позднейших времен ("Кинши", "Бернар", "Белый Медведь"). Потом "Эрмитаж"».

аптека, почта. Здесь толпилось много народа. Тут же устраивался великим постом базар вербы¹²².

Для роли «главной улицы» планировался Б<ольшой> проспект, пересекающий о<стро>в до Гавани. Он задуман был пышно: перед домами разбиты сады, местами тротуары засажены деревьями. Получается величественная зеленая перспектива¹²³. Но главную улицу Б<ольшой> просп<ект> является только топографически, образуя вместе с 8-ю и 9-ю линиями большой крест, соединяющий центр о<стро>ва с его окраинами, но не социально: самое сильное движение ныне потекло вдоль него, и 8-я линия в известные часы гуще наполняется народом. Б<ольшой> же проспект оставался довольно пустынным. Впрочем, в настоящее время нагрузка Б<ольшого> проспекта грузовым движением сильно увеличивается, знаменуя усиление промышленности.

Другим церковным центром В. О. является Благовещение на Мал<ом> проспекте между 7-ю и 8-ю линиями. Это большой каменный храм с двухэтажной пятикупольною церковью и высокою колокольнею, единственный в городе старомосковской архитектуры. Храм построен в середине XVIII в. на месте старого, деревянного, с монастырем и кладбищем кругом. При нем раскинулась обширная церковная усадьба. Теперь она пришла в разрушение, но на пустыре устроена площадка для детей. Церковь эта стягивала в своем приходе всю северо-западную часть В. О., которую долго можно было называть «деревянною»¹²⁴. Заселение всего района

122 Вербный базар, или вербный торг, устраивался в Лазареву субботу и Вербное воскресенье в Москве на Красной площади, в Петербурге — у Андреевского рынка.

123 В годы разрухи они были потрепаны, но теперь при переустройстве канализации осуществляется красивое превращение нынешнего «проспекта Пролетарской Победы» в парк-аллею для прогулок рабочего населения, как демократическое подобие парижских «Елисейских полей». — *Прим. И. М. Г.* В 1918 г. Большой проспект Васильевского острова был переименован в проспект Фридриха Адлера, в 1922 г. — в проспект Пролетарской Победы; в 1944 г. ему было возвращено историческое название.

124 В докладе церковно-приходской структуре В. О. уделено обширное рассуждение, частично на отдельном листе-вставке: «Очень полезно изучить василеостровские церкви: Андреевскую, Благовещенскую, Екатерининскую, Гаваньскую, Киевское подворье. Они интересны в архит<ектурно>-худож<ественном> отн<ошении>, и с историею их связаны историко-культурные и бытовые факты. Надобно разузнать, не существует ли их печатных историч<еских> описаний, и в архивы их заглянуть оч<ень> бесполезно.

замедлилось после центра. Дальние части оставались покрыты лесными зарослями, Анна Иоанновна там охотилась на зайцев. Застройка вновь двинулась при Екатерине II заботой «Комиссии строения» (1767). Занято здесь было городом пространство до 13-й линии. Улицы от Невы до Б<ольшого> просп<екта> предписано было обстраивать исключительно каменными зданиями. Тогда же впервые устроены были мостовые из булыжника. Дальше деревянные строения долго сохраняли преобладание, пока с 1880-х и 1890-х гг., когда вместе с увеличением населения, успехами капиталистического роста города и улучшением средств сообщения (конки с 1880-х гг., трамваи с 1900 г.) многоэтажные каменные дома не стали давить обывательские, уютные на вид деревянные усадьбы с просторными дворами, фруктовыми садами и огородами, придававшими этим окраинам провинциальный характер. Голодные и холодные годы также содействовали их уничтожению на топливо и производили запустение на улицах. На далеких линиях долго держались совсем захудалые лачуги, гнездилища тесноты, грязи и болезней, пристанища беднейших слоев рабочего и безработного пролетариата. Здесь открывалась не тихая провинция, а обратная сторона жизни мирового города с жестокими условиями

Совершенно ясно по расположению Благовещ<енской> церкви, устройству ее усадьбы и примыкающим к ним благотворит<ельным> учреждениям (приют, богадельня) — что они были религиозным центром большой территории на острове, к ней тяготел многочисленный приход.

Приход, церк<овно>-религиозная община являлась в старых городах оч<ень> сильным и реальным органом социально-духовного объединения. (Это — оч<ень> сильно в старых городах Зап<адной> Европы.) Это во многих из них видно и топографически, напр<имер> в Москве (у старого Пимена, Успенья на Могильцах; также в Вологде, Ярославле и т. д.).

В Петербурге не так заметна такая связующая роль церквей в территориальном смысле, пот<ому> что город новый и планировался намеренно; так и церквам обозначалось заранее их место, а не население группировалось около них.

Но можно указать некоторые — Симоновская, Пантелеймоновская, Спас, Владим<ирской> Божьей матери, Рождеств<енская>, Михаил<овская>, Архангел<ьская>...

Так и на Васильевском острове. Три главные церкви — Екатерининская, Андреевская и Благовещенская — несомненно, стягивали опред<еленные> части В<асильевского> О<строва> около себя: Екатерининская — примыкающую к Малой Неве; Андреевская — наиболее богатую часть, растянувшуюся около Большой Невы (застроенную монумент<альными> зданиями и каменными домами); Благовещенская объединяла позади расположенную (у Среднего и Малого Просп<ектов>) деревянную часть В<асильевского> Острова».

быта для бедствующего населения с острыми классовыми противоречиями¹²⁵.

Петр Великий стремился заселять В. О. «всесословно», и так в нем оселись группы из всех классов и образовался полный город. Заселение двигалось от периферии внутрь кучками, слободками, которые постепенно сливались. В силу портового его положения, в состав жителей внедрялись иностранцы — немцы, голландцы, англичане, отчасти французы, торговцы, иногда крупные, но и более мелкий промышленный люд. Особенно оживленную интернациональную картину представляла жизнь набережных, раньше на М<алой> Неве у портовой таможни, куда причаливались сначала суда из-за границы для досмотра товаров. Так было при Петре и первых его преемниках. Но река там была мелкая, приставать оказалось неудобно, и большие корабли стали останавливаться на Б<ольшой> Неве ниже Никол<аевского> моста. Устроена была плавучая таможня (у 10-й линии); там выгружались товары и развозились по складам. Внешне порт перенесся туда, М<алая> же Нева стала местом стоянки судов с внутренним товаром — хлебом, пенькою, салом; приходили баржи с дровами или сеном по каналам Мариинской системы и пр. Ими прежде заставлена была река до Тучкова моста. Но главное движение царило на Б<ольшой> Неве. Набережная была завалена грузами: бочки, ящики, тюки, канаты, цепи, якоря, смоляной запах, большие пароходы, товарные и пассажирские, густая толпа — матросы, шкипера, грузчики, таможенники, шум, разноязычный говор¹²⁶.

Иностранцы приезжали, уезжали, но и утверждались на В. О. В старых дворянских особняках засели их транспортные конторы, коммерческие агентства, на входных дверях видны были медные доски с обозначением на разных языках их функций. Чужеземные колонисты вошли и глубже в толщу территории района. Уже при Петре на В. О. была «французская слободка» (1722 г.). В 1759 г.

125 Еще недавно (до войны) существовала в дальней 16-й линии называвшаяся по имени владельца хищного купца «Васина деревня» — целое скопление таких приютов нищеты и несчастья. — *Прим. И. М. Г.* (В докладе: «О ней легко еще собрать воспоминания»).
 126 В стихотворении Тургенева «Нева» хорошо отражена эта картина. — *Прим. И. М. Г.* (Стихотворение И. С. Тургенева «Нева» (1843)).

упоминается «немецкая». Петр же приказал устроить гостиницу для иностранцев. Немало солидных торговцев стало на острове домовладельцами. Больше всего оселось там немцев, богатых и мелких коммерсантов и ремесленников всяких специальностей. С 1734 г. видим большой лютеранский приход с церковью Екатерины. Приток немцев в XIX в. усилился; другая протестантская церковь (в готическом стиле) на Среднем проспекте построилась в конце 70-х гг. Но много обитало на В. О. и англичан. По воскресеньям встречались на Никольском мосту вереницы англичанок с молитвенниками, направлявшихся в свою церковь на Английской набережной. Присутствие значительного числа иностранцев влияло на бытовые мелочи¹²⁷, например на вывески. На стене одного дома 13-й линии висел плакат: «меблированный дом, *chambres meublées, moeblierte Zimmer, furnished rooms*»¹²⁸, мясная лавка на Первой линии приглашала англичан приобретать любимые продукты (*mutton-chops etc.*)¹²⁹, там же находилось отделение винного погреба большого английского магазина на Невском; было несколько немецких ресторанов. Жило на острове немало и поляков: у них была католическая церковь с приютом на 14-й линии¹³⁰. Для нужд иностранцев устроены были больницы — немецкая (на 15-й линии) и французская (на 14-й линии). Существовали немецкие школы и пансионы. Значительные элементы из немцев в средних кругах, упрочившиеся на В. О., придавали и быту отпечаток буржуазной чистоты и аккуратности, но вместе с тем узких мещанских интересов¹³⁰. Но происходила и ассимиляция пришлого населения

127 В докладе: «...и когда мы (василеостровцы) ходили по лестницам еще во вторую половину XIX в., — постоянно приходилось видеть дощечки на дверях с иностранными фамилиями на двух языках».

128 Меблированные комнаты (франц., нем., англ.). В машинописи оставлено место для иноязычной вставки; текст вставки взят нами из рукописи доклада.

129 Бараньи отбивные и т. д. (англ.). В машинописи оставлено место для иноязычной вставки; текст вставки взят нами из рукописи доклада.

130 Быт василеостровских немцев изображен в рассказе Лескова «Островитяне». — Прим. И. М. Г. (Повесть Н. С. Лескова «Островитяне» (1866)). В докладе: «Столянский прямо утверждает, что в 30-х, 40-х годах XIX в. В. О. имел характер провинциального немецкого города. Это, думается, преувеличено ... Когда вспыхнула мировая война, немецкое население было растерянно: германские подданные высланы и разорены, и русские немцы притихли; после революции упадок торговли и промышленности, веры еще больше разрешил василеостровских немцев».

туземцами: нравы иностранцев «русели», как и приносившееся к нам с запада искусство.

С течением времени вообще менялся состав населения В. О. и вместе с этим характер жизни. Так совершался уток знатного дворянства и крупного купечества в левобережные¹³¹ части города. Дворяне переселялись по причинам политическим, вследствие перенесения с острова придворных и правительственных центров. Купечество перебиралось по экономическим побуждениям, так как В. О. перестал быть морским портом (во второй половине XIX в.). Благодаря этому о<стро>в утратил отчасти столичную окраску. Образовалась замкнутость и некоторая провинциальность быта. Не было интенсивного делового оживления и светского блеска, как на Невском и на Морской, и торгового шума и толчеи, как на Садовой; но не замечалось и сонного состояния Коломны. Господствовали спокойные формы серьезной, занятой жизни, работы не на улице, а внутри, не экспансивно, но содержательно. Сильный отзвук ветра в столичной жизни с бурлением страстей мирового центра международного капитализма прорывался на Стрелку В. О. в присутственные часы фондовой биржи. Вся площадь перед нею заполнялась роскошными экипажами дельцов; потоки их спешили туда, к органу всесветных финансовых операций. Война и революция положили предел этому явлению. Только монументальная картина набережной Б<ольшой> Невы архитектурно напоминает на о<стро>ве великодержавную старину.

Специфический колорит «василеостровской провин<ции>» выражался в отсутствии дворцовых резиденций: вельможные палаты получили тут и иные назначения, царские дворцы выросли в других районах. Еще одно: там всегда была слаба военная окраска. В старое время на о<стро>ве расквартированы были лишь два полка. Впоследствии также на нем стоял один второстепенный гвардейский Финляндский полк и один армейский, и казармы их располагались на дальних линиях. На улицах определенно преобладала «штатская» одежда средней буржуазии, интеллигенции, в известные часы рабочих. В военных мундирах появлялись

больше учащиеся — кадеты, юнкера, моряки или немногочисленное «ученое» офицерство, потом студенчество. В общую картину столичного характера В. О. стало втягивать¹³² вновь расцветом к началу XX в. строительства огромных доходных домов. Этот процесс вел к нивелированию архитектурных отличий под однородный шаблон. Надобно только отметить, что кричащий «стиль модерн» мало нашел воплощений на о<стро>ве¹³³.

Итак, В. О. — оригинально окрашенная «питерская провинция», но с элементами «столичности» в монументальной физиономии и бытовом строе. Но в его прошлом одна сторона дела — от его необходимого частью мирового центра, в который он входит, исполняя особую, руководящую функцию. В. О. вырос как главное, активное средоточие науки и просвещения в Петербурге и России. Это наш Латинский квартал¹³⁴.

Важно было бы составить историческую научно-учебную карту В. О. Здесь можно лишь перечислить его главные просветительные учреждения. Оно одно будет говорить за себя. Мы уже знаем: на о<стро>ве поместилась¹³⁵ Академия наук, постепенно захватывая новые территории для своих растущих институтов. В соседстве с этою общегосударственною главою научного исследования и творчества живет и работает больше столетия университет, бывший одним из сильнейших носителей научного просвещения. Далее отметим исследовательские институты: Геологический комитет (в конце Среднего пр.) и Главную геофизическую обсерваторию (в дальней части набережной Б<ольшой> Невы), — и целый ряд высших учебных заведений: Высшие женские курсы, здесь (на 10-й л<инии>) построившие (в 1880-х гг.) собственное здание, постепенно расширявшееся на средства русского общества, Горный ин<ститу>т, Академия художеств, Историко-филологический

132 В тексте ошибка: втягиваться.

133 В докладе: «(Чтобы представить себе картину архитектурную старого Васильевского острова, надо зажмуриваться на громадные дома нового стиля и всматриваться в средние — каменные двух-трехэтажные, отчасти четырехэтажные)».

134 Так называется издавна в Париже на левом берегу Сены школьный район вокруг Сорбонны, старого и нового университета. — Прим. И. М. Г.

135 В тексте ошибочно: не поместилась.

ин<сти>тут рядом с университетом, Учительский институт. При всех их развивались музеи, лаборатории, книгохранилища. На о<стро>ве же работали и многочисленные и разнородные средние школы: 5 мужских и 3 женских гимназии, 3 реальных училища, 2 института для девиц, кадетский и морской корпусы. Наконец, городское самоуправление учредило здесь много начальных училищ, техническое общество устроило школы при заводах для рабочих и их детей. К ним присоединялось немало частных пансионов и детских садов. После революции главные из названных институтов продолжают работу, появились и новые (Гидрологический, 2-й Политехнический, военный Толмачевский, рабочие факультеты); другие преобразованы в трудовые; основаны специальные курсы и техникумы. В. О. и теперь сохраняет значение наиболее насыщенного в городе центра духовной культуры.

Научно-учебная печать — выдающаяся, особенно дорогая черта В. О. Умеренная работа — характерная особенность деятельности большого и сильного процента его населения. Такое преемство, можно надеяться, останется присуще В. О., как и Ленинграду вообще, передавшему Москве функцию государственной главы Советского Союза, сохранит за собой и в будущем дело первенствующего очага, создающего духовные ценности.

Названные научные и учебные учреждения притягивали большие умственные силы интеллигенции. Многие академики, профессора, ученые специалисты, педагоги, писатели, художники обитали на о<стро>ве издавна, и в самых их домах и квартирах <шла> интенсивная духовная деятельность (кружки, салоны, общества), много творившая и влиявшая широко на интересы района, жизнь города и развитие страны. Около них копились научные, литературные и художественные богатства¹³⁶.

Можно упомянуть: особняк М. П. Боткина (на 18-й лин<ии>) с ценною галереей картин иностранных живописцев; дом П. П. Семенова-Тян-Шанского (8-я лин<ия>) с богатым собранием картин голландск<их> мастеров. В его гостеприимном жилище сходились долгие годы выдающиеся ученые, писатели, художники и обществен. деятели. На Кадетской лин<ии> в д<оме> Сюзора зародился музей Старого Петербурга. Трудно перечислить квартиры живших на В. О. академиков, профессоров, деятелей искусства, которые являлись индивидуальными ячейками идейного общения и совместного творчества духовных ценностей. Как кажется, и Ломоносов

Многочисленное студенчество, также жившее на В. О., в свою очередь вносило в «василеостровскую культуру» живые и бодрые соки. В истории петербургского центрального культурного гнезда василеостровская ячейка делала большое дело, и изучение ее работы — важнейшая задача ленинградского синтетического краеведения. Таким духом веет от В. О., и надо иметь в виду эту неосязаемую, но реальную атмосферу, когда в серьезной прогулке всматриваемся в его вещественные памятники и материальную жизнь.

Остается еще неописанною на В. О. обширная западная окраина. И там внимательный районный краевед найдет немало интересного. Здесь можем дать лишь краткие указания, не устанавливая цельных маршрутов.

Если мы дойдем до конца Б<ольшого> просп<екта>¹³⁷, то вступим в т. н. Галерную гавань. Местность соприкасается с взморьем. Название происходит оттого, что Петр I задумал устроить там особый коммерческий порт и стоянку для гребных судов-галер. Для этого было углублено и ограждено молами значительное водное пространство. Вход в замкнутую гавань защищен был двумя башнями со шпильями; в свое время они были вооружены пушками. Эти «кроншпицы» в реставрированном виде существуют и теперь, как след строительства петровского времени.

жил на В. О. Назову в виде примеров несколько имен — К. Д. Кавелина (7-я л<иния>, 60), Н. И. Костомарова (1-я л<иния>, 6), А. Н. Пыпина (2-я л<иния> за Ср<едним> просп<ектом>), А. Н. Веселовского (2-я л<иния>), Типографию и изд<ательство> М. М. Стасюлевича (5-я л<иния>), художника П. П. Чистякова (в мозаичн<ом> отд<елении> Ак<адемии> худ<ожеств>), Водовозова и В. И. Семевского (2-я л<иния>, 11), Н. И. Кареева (Б<ольшой> пр<оспект>, 24), в академических домах — академиков А. П. Карпинского, А. С. Фаминцына, А. А. Шахматова, И. П. Павлова, С. Ф. Ольденбурга и др. Нельзя пересчитать всех жилищ на В. О., в которых происходила интенсивная умственная жизнь из поколения в поколение. — *Прим. И. М. Г. Инициалы Костомарова в тексте были указаны ошибочно: Н. Н. «Музей Старого Петербурга» был открыт П. Ю. Сюзором в принадлежавшем ему доме № 21 по Кадетской линии в 1907 г.*

137 По дороге за 25-й линией, справа здание Василеостровского театра, построенного для народных спектаклей, но не выполнившего своего назначения. — *Прим. И. М. Г.* Деревянное здание Василеостровского театра было построено в 1887 г.; было окружено парком; с 1906 г. принадлежал Попечительству о народной трезвости; при театре были дешевая столовая, в парке устраивались летние гуляния, действовала эстрада. Здание театра снесено в 1930-е гг.

Галерное взморье давно потеряло значение порта, но на этом крайнем западе В. О. возник своеобразный по виду захолустный городок («слободка») бок о бок со столицей, который по старой памяти до сих пор именуется «Гаванью». Протянулись тут и свои «проспекты», улицы и переулки. Почти у берега деревянная церковь Троицы, одна из старейших в городе (1792 г.)¹³⁸. Застроились они деревянными домишками; длинные заборы огораживали жидкие садики и огороды. Местность низкая и топкая в первую очередь заливалась наводнениями.

Тем не менее Гавань заселялась чиновничьей и ремесленной беднотой, грошовыми пенсионерами, позже рабочими, искавшими дешевизны и довольствовавшимися поневоле скудными условиями существования. С течением времени в Гавани сложился совсем особенный мирок со своим бытом, нравами и преданьями. Житье-бытие обитателей Галерной гавани нашло довольно типичного бытописателя в лице Н. Генслера, который увековечил картину, ставшую историческою, но до конца XIX в. сохранявшую живыми еще много черт с нищетою, застоєм, отсталостью, патриархальными предрассудками как отличительными свойствами жизни¹³⁹. В последние десятилетия многое там изменилось: почва поднята и осушена, проведены трамваи, стали строиться большие доходные дома, обновляться состав населения. Но район все остается наименее здоровым и благоустроенным, и водная стихия по-прежнему всего больше грозит обитателям Гавани.

Юго-западная часть василеостровского взморья и правый берег Невы близ устья носит название «Чекушей», и она издавна приобрела фабрично-заводской характер. В середине XIX в. по инициативе двух предприимчивых англичан (Кларка и Макфэрдсона) на купленном участке между Косой и Кожевенной линиями (против нынешнего Морского порта)¹⁴⁰ возник литейный, механический

138 Церковь Троицы Живоначальной (Наличная ул., д. 8) была снесена в 1932 г.
139 И. Генслер. Гаванские чиновники в домашнем быту. (СПб. 1865). — *Прим. И. М. Г.* (Очерк под названием «Гаванские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года» был опубликован в изд.: *Генслер И. С. Рассказы.* СПб., 1864).

140 В тексте закрывающая скобка пропущена.

и судостроительный завод, который потом перешел в руки английской, а дальше русской акционерной компании, в 1890-х же годах он был приобретен в казну и получил название Балтийского судостроительного.

«Чекушинский конец» известен был еще кожевенными заводами, что обнаруживается из самого наименования длинной Кожевенной линии, идущей параллельно взморью. Практика этого производства поддерживается и ныне, причем В. О. занимает в этой отрасли промышленности первое место в Ленинграде (заводы им. Радищева и Коминтерна, последний на Б<ольшой> Неве, выше Балтийского). Тут же работает ситценабивная фабрика имени Веры Слуцкой¹⁴¹.

Огромная площадь в сев<еро>зап<адной> части В. О. занята пустошью, получившею название «Смоленского поля» от церкви Смоленской Божьей Матери (конца XVIII в.), главного храма образовавшегося здесь большого Смоленского кладбища. Последнее принадлежит к скромным местам в Петербургском Некрополе: в нем монументов первоклассного художественного значения нет, но встречается немало изящных памятников. Здесь похоронено много художников (начиная от А. Д. Захарова, зодчего Адмиралтейства), ученых, писателей. Но оно служило усыпальницей и для рабочего населения. На престольный праздник соборного храма (...июля)¹⁴² всегда собирались для поминанья родичей большие массы народа всякого звания; но поминки принимали часто не соответствующий месту характер попоек, подобных древним тризнам. На Смоленском поле устраивались в старину немецким

141 Нет места для подробного описания фабричной окраины В. О. В настоящем путеводителе избраны для этой цели наиболее характерные районы — Выборгский, Володарский и Московско-Нарвский, где заводская жизнь разворачивается с особою силою. Теперь над изучением экономического прошлого и современности Петербурга-Ленинграда много работает Вл<адимир> Аг<геевич> Федоров. Собираются ценные данные. Довольно много материала использовано в книге «Ленинград» — краеведный сборник под ред. И. А. Бутина (Лнгр., изд. Обл. ОНО. 1928 г. — Прим. И. М. Г. (Ленинград: Краеведный сборник (Пособие для школ I и II ступени) / под ред. и с предисл. И. А. Бутина. Л., 1928).

142 Пропуск в тексте. Празднование иконы Смоленской Божией Матери — 28 июля (10 августа по новому стилю).

населением о<стро>ва, преимущественно ремесленным, летние праздники. Полоса моря вдоль берега этого Смол<енского> поля более открыта, чем у знаменитой Елагинской стрелки, и здесь мало-помалу устраивается просторный пляж для отдыха и прогулки рабочих семейств.

Остров Голодай отделяется от главной массы В. О. узкою и грязною рекою Смоленкою, набережные которой сохраняют отчасти старопроvincialный колорит, отчасти рисуют картину закопченной при заводской слободы. Среди зелени выделяется Смоленское кладбище — лютеранское (о ту сторону речки, против православного). В прежние годы оно отличалось строгим порядком содержания могил и носило мирный характер места успокоения. В нем имеются интересные старые памятники, оттененные красивыми деревьями. Рядом — небольшое армянское кладбище, в церкви — прекрасный монумент работы Мартоса над могилою Лазаревых.

Восточная часть о. Голодай занята целым рядом промышленных предприятий — это второй густо окрашенный фабрично-заводской угол района В. О. Здесь располагаются уже издавна многие учреждения такого <рода?>. Ныне здесь работают: 1) большой патронно-трубочный завод военного ведомства (существовавший уже много лет до революции); 2) ткацкая и красильная фабрика им. Желябова, бывш<ая> Гука (около 4 000 ч<еловек> рабочих, вырабатывает до 1,5 мил<лионов> метров бумажных тканей в месяц); 3) кожевенный завод «Марксист»; 4) писчебумажная фабрика им. Зиновьева. Таковы главные предприятия. К той же группе можно отнести телеграфный завод им. Казицкого, находящийся у самого выхода реки Смоленки (Черной) из М<алой> Невы, но на берегу против Голодая¹⁴³.

Так обнаруживается, что юго-восточная часть В. О. является по преимуществу научно-учебным центром, северо-западная —

Из значительных промышленных предприятий на В. О. вне указанных районов надо назвать большую табачную фаб<рику> им. Урицкого (быв<шую> Лаферм) на углу Средн<его> просп<екта> и 9-й лин<ии> и подково-гвоздильный завод на Малом пр<оспекте> за 17-й линией. Карта расположения фабрик и заводов Ленинграда приложена к только что указанной выше книге. — Прим. И. М. Г.

фабрично-заводским. Этим объясняется различие в группировке населения в обеих: интеллигенция, ученая и педагогическая, также художническая, инженерная и студенческая сосредоточивается в первой, рабочие во второй. При этом трудящаяся в промышленном производстве масса, как самая многочисленная, расселяется все шире и в первых линиях. Такое топографическое переплетение элементов, должно надеяться, послужит одним из условий и дальнейшего внутреннего объединения рабочего класса с группами, отдающимися специально умственному труду в процессе рождения внеклассового строя будущего.

Северо-западная часть Голодая остается так же, как на В. О., пустошью. В последние годы перед началом мировой войны его предполагалось застроить и создать там квартал образцовый в архитектурном и гигиеническом отношении — по грандиозному проекту арх. И. А. Фомина. Там должен был быть построен «Новый Петербург» с полукруглою площадью посередине; улицы планировались как лучи, от нее расходящиеся; здания, выходящие на площадь, соединялись по плану арками поверх улиц, упирающимися на целый лес колонн¹⁴⁴. Дома предполагались многоэтажные и монументальные, и все целое образовало бы эффектный ансамбль в величественном, строго выдержанном неоклассическом стиле. Страшный кризис войны остановил замысел, начато было немного, и план был искажен. Заманчивая для строительства площадь земли остается неиспользованною. Может быть, здесь при новых условиях жизни возникнет особый рабочий городок с опытом воплощения новых форм зодчества; на восстановление проекта Фомина вряд ли можно рассчитывать.

В. О. своею островною обособленностью как бы предназначался для спокойной жизни в стороне от шума напряжения и суеты великодержавного центра. Но омывавшие его речные потоки не обеспечили его от проникновения в его пределы тех роковых процессов, которые мрачно окрашивали общую жизнь седалища

«трагического империализма»¹⁴⁵. Под внешнею оболочкой тихой провинциальности и немецко-английской благопристойности, нарушая течение повседневного делового труда или углубление в научные и учебные интересы, В. О. переживал тяжелые отзвуки социально-политических бурь, потрясавших столицу.

Описанная нами Галерная гавань, приют «слабых мира», пребывание там бедняков в вечной опасности перед волнами, — то была сама по себе там постоянная иллюстрация зияющих контрастов, социального зла больших городов, носителей мировой культуры с ее противоречьями и бедствиями. Отдаленный от мест, где в обычное время бился особенно сильно пульс столичной жизни, В. О. служил не раз ареною актов жестокой репрессии абсолютизма против революции. На Смоленском поле совершена была казнь покушавшихся на жизнь Александра II — Каракозова (1866 г.) и Соловьева (1879). Один из наиболее кровопролитных эпизодов расстрела рабочих 9 января 1905 г. разыгрался на 4-й линии у Среднего пр. Заводы крайнего запада и севера В. О. и скучение около них рабочего пролетариата приводило к обостренной борьбе и здесь труда и капитала с сопровождавшими ее эксплуатацию, классовую ненависть, забастовками, волнениями и их насильственным подавлением. В революции 1917 г. рабочие и матросы на В. О. сыграли активную роль. Тут же, в районе, где скопилось столько высших учебных заведений, сосредоточилось и гонение деспотического государства против свободы науки и свободы ученых, утеснение университета реакционною политикою царского правительства: студенческие движения со сценами полицейского насилия и в зданиях, и на улицах, драмы профессоров, много темных событий из страстотерпений интеллигенции.

Здесь намечена лишь в общем картина жизни и культурный образ В. О. как малого организма внутри большого живого целого мирового города, часть которого он составляет. Сделан опыт обнаружить его индивидуальность и его связь с социальным существом,

Такую формулу для психологии города выводит из рассмотрения его описания в художественной литературе Н. П. Анциферов в своей книге «Душа Петербурга» (Петерб. Брокгауз-Ефрон, 1922). — Прим. И. М. Г. (Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пб., 1922).

одним из живых органов которого он является. Исходя из нарисованного эскиза, для преданного делу краеведа-василеостровца, если он углубится в памятники прошлого, вещественные и письменные, если будет наблюдать современную жизнь, — может быть, легче будет открывать в нем еще многие важные и интересные для выполнения до конца задачи василеостровского родиноведения. А приезжему чуткому туристу или ленинградскому жителю, желающему взглянуть в свой город, этот набросок, может, поможет в его разведочных прогулках.

ЛИТЕРАТУРА

- Анциферов Н. П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга: [Репринт. воспроизведение изд. 1922, 1923, 1924] / [сост. и коммент. К. А. Кумпан, А. М. Конечного; вступ. ст. Д. С. Лихачева; список работ Н. П. Анциферова М. Б. Вербловской]. М.: Книга: Ред.-изд. центр № 2 «Канон», [1991]. 227, 105, 88, 103 с.
- Герш К. В., Кузнецов А. А. Переписка И. М. Гревса и С. И. Архангельского (20-е годы XX века): личностно-биографический и историографический аспекты // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Казань, 2022. Т. 164. Кн. 3. С. 48–74.
- Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки, 1912–1923 / пер. с польск. Н. С. Поляковой. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 414 с.
- Джонсон Э. Д. Как Санкт-Петербург научился себя изучать: российская идея краеведения / пер. с англ. И. Захаряевой. СПб.; Бостон: Библиороссика; Academic studies press, 2023. 396, [2] с.
- Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение: сборник к 150-летию со дня рождения / [сост. Б. С. Каганович, А. В. Кобак]. СПб.: Европейский Дом, 2010. 114 с.
- Каганович Б. С. Русские медиависты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 241, [2] с.
- Конечный А. М. Былой Петербург: проза будней и поэзия праздника. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 667, [3] с.
- Кузьмина Г. П. П. Ф. Лилиенфельд-Тоаль о тождестве и различии между обществом и организмом // Актуальные проблемы социального познания. М.: МГУ, 1982. С. 76–83.
- Могильнер М. Б. Номо imperii: история физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 505 с.
- Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 431 с.

- Свешников А. В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в.: судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 413, [1] с.
- Сизинцева Л. И. Краеведение и экскурсионное дело в Петроградском экскурсионном институте (1920-е гг.) // Пятые всероссийские краеведческие чтения (Москва — Владимир, 27–28 мая 2011). М.: Краеведение, 2012. С. 78–82.
- Смирнова А. Г. «Опыты построения п/отдела города» (из документального наследия И. М. Гревса) // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. Региональная история. Краеведение. 2014. № 17 (139). С. 225–240.
- Смирнова А. Г. Из истории отечественной экскурсионной школы: Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921–1924 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 6 (86). С. 58–77.
- Старостин Д. Н., Кулешова Е. В. Архивные рукописные материалы И. М. Гревса: к вопросу о научном наследии ученого // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего нового времени. 2023. Вып. 7 (1). С. 84–100.

REFERENCES

- Antsiferov N. P. Dusha Peterburga; Peterburg Dostoevskogo; Byl' i mif Peterburga: [Reprint. vosproizvedenie izd. 1922, 1923, 1924] / [sost. i komment. K. A. Kumpan, A. M. Konechnogo; vstup. st. D. S. Likhacheva; spisok rabot N. P. Antsiferova M. B. Verblvskoi]. Moscow: Kniga Publ.: № 2 Kanon Publ., [1991]. 227, 105, 88, 103 p. In Russian.
- Gersh, K. V., Kuznetsov A. A. Perepiska I. M. Grevsa i S. I. Arkhangel'skogo (20-e gody XX veka): lichnostno-biograficheskii i istoriograficheskii aspekty // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Vol. 164. Iss. 3, Kazan, 2022. P. 48–74. In Russian.
- Górny M. Velikaia voina professorov. Gumanitarnye nauki, 1912–1923 / per. s pol'skogo N. S. Poliakovoi. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2021. 414 p. In Russian.
- Dzhonson E. D. Kak Sankt-Peterburg nachilsya sebya izuchat': rossijskaya ideya kraevedeniya / per. s angl. I. Zaharyaevoi. SPb.; Boston: Bibliorossika; Academic studies press, 2023. 396, [2] p.
- Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskoe kraevedenie: sbornik k 150-letiiu so dnia rozhdeniia, [sost. B. S. Kaganovich, A. V. Kobak]. St. Petersburg: European House Publ., 2010. 114 p. In Russian.
- Johnson E. D. Kak Sankt-Peterburg nachilsia sebia izuchat': rossiiskaia ideia kraevedeniia / per. s angl. I. Zakhariaevoi. St. Petersburg; Boston: Bibliorossika; Academic studies press, 2023. 396, [2] p. In Russian.
- Kaganovich B. S. Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka. St. Petersburg: Giperion Publ., 2007. 241, [2] p. In Russian.
- Konechnyi A. M. Byloi Peterburg: proza budnei i poeziia prazdnika. Moscow: NLO Publ., 2021. 667, [3] p. In Russian.

- Kuz'mina G. P. P. F. Lilienfel'd-Toal' o tozhdestve i razlichii mezhdru obshchestvom i organizmom. Aktual'nye problemy sotsial'nogo poznaniia. Moscow: MGU, 1982. P. 76–83. In Russian.*
- Mogil'ner M. B. Homo imperii: istoriia fizicheskoi antropologii v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.). Moscow: NLO Publ., 2008. 505 p. In Russian.*
- Moskovskaia D. S. N. P. Antsiferov i khudozhestvennaia mestnografiia russkoi literatury 1920–1930-kh gg.: k istorii vzaimosviazei russkoi literatury i kraevedeniia. Moscow: IMLI RAN Publ., 2010. 431 p. In Russian.*
- Sveshnikov A. V. Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaia shkola medievistov nachala XX v.: sud'ba nauchnogo soobshchestva. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 413, [1] p. In Russian.*
- Sizintseva L. I. Kraevedenie i ekskursionnoe delo v Petrogradskom ekskursionnom institute (1920-e gg.). Piatye vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva — Vladimir, 27–28 maia 2011). Moscow: Kraevedenie, 2012. P. 78–82. In Russian.*
- Smirnova A. G. «Opyty postroeniia p/otdela goroda» (iz dokumental'nogo naslediia I. M. Grevs) // Vestnik RGGU. Serii: Istoricheskie nauki. Regional'naia istoriia. Kraevedenie. 2014. № 17 (139). P. 225–240. In Russian.*
- Smirnova A. G. Iz istorii otechestvennoi ekskursionnoi shkoly: Petrogradskii (Leningradskii) ekskursionnyi institut (1921–1924 gg.) // Vestnik RGGU. Serii: Literaturaovedenie. Yazykoznanie. Kulturologia. 2012. № 6 (86). P. 58–77. In Russian.*
- Starostin D. N., Kuleshova E. V. Arkhivnye rukopisnye materialy I. M. Grevs: k voprosu o nauchnom nasledii uchenogo // Proslogion: Problemy sotcial'noi istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego novogo vremeni. 2023. № 7 (1). P. 84–100. In Russian.*